
А.Я. Рубинштейн

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТЕОРИИ ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ

Москва
Институт экономики
2014

Рубинштейн А.Я. Методологический анализ теории опекаемых благ. – М: Институт экономики РАН, 2014. – 64 с.

ISBN 978-5-9940-0463-0

В работе рассмотрены некоторые модификации двух принципов австрийской школы – методологического субъективизма и методологического индивидуализма, а также стандартной аксиомы гомогенности экономических агентов, составляющие основу ряда теорий, обосновывающих государственную активность. Анализ основных предпосылок теории общественных и мериторных благ, концепции либертарианского патернализма позволил автору предположить, что с точки зрения методологии эти теоретические построения являются частными случаями теории опекаемых благ, фундамент которой составляют методологический субъективизм, «методологический релятивизм и принцип гетерогенности».

Ключевые слова: опекаемые блага, общественные товары, мериторика, либертарианский патернализм, методологический субъективизм, методологический релятивизм, гетерогенность, нормативные интересы, гражданское общество, институт бюджетных назначений.

Классификация JEL: C70, C72, D5, D6, D7, H41.

Rubinstein A.Y. The methodological analysis of the Theory of Patronized Goods. – (Research report). Moscow, RAS Institute of Economy, 2014. – 64 p.

The present research work is dedicated to the methodological aspects of the Theory of Patronized Goods. In this work some modifications of two principles of the Austrian school had been considered and examined and these principles are as follows: “the methodological subjectivism” and “the methodological individualism”, as well as the modification of the standard axiom of “the homogeneity of economic agents”, which comprise the basis of a number of theories, substantiating the state activity. In the same context the paper presents an analysis of the Theory of Patronized Goods, which constitutes the foundation of methodological subjectivism, methodological relativism and the principle of heterogeneity.

Keywords: Patronized Goods, public goods, meritotics, libertarian paternalism, methodological subjectivism, methodological relativism, heterogeneity, normative interests, civil society, Institute of budget allocations.

JEL Classification: C70, C72, D5, D6, D7, H41.

ISBN 978-5-9940-0463-0

© Институт экономики РАН, 2014
© Рубинштейн А.Я., 2014
© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Методологический субъективизм	7
Глава 2. Нормативный стандарт: политэкономический аспект	17
Глава 3. Методологический релятивизм	25
Глава 4. Принцип гетерогенности	35
Глава 5. Нормативный стандарт: институциональный аспект	44
Литература.....	55

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование относится к методологическим размышлениям автора в русле Концепции экономической социодинамики (КЭС) и Теории опекаемых благ (*Гринберг, Рубинштейн (2008, 2010, 2013), Grinberg, Rubinstein (2010), Рубинштейн (2008, 2010, 2012)*). В 2013 году КЭС отметила свое пятидесятилетие. И все прошедшие годы она продолжала развиваться, ее авторы совместно и отдельно издали более десяти книг, множество статей, докладов на российских и международных конференциях, появились и дочерняя теория опекаемых благ. При этом мои постоянные собеседники и уважаемые оппоненты при несомненном наличии талантов и знаний с трудом воспринимают некоторые положения этой теории. И, наоборот, ряд ученых, воспитанных в традициях советской экономической науки и сохранивших левизну своего мировоззрения, не вдаваясь часто в истинное содержание разработанной теории, легко принимают ее основные выводы, связанные с нормативным общественным интересом и необходимостью государственной активности. И если современная экономическая теория опирается на идеологию либерализма, то ностальгирующие по советскому времени «политэкономы» проповедуют взгляды социализма.

Лично мне ближе либеральные ценности, свобода выбора и рыночная экономика, но стандартная теория, основанная на ряде фундаментальных предпосылок (методологический индивидуализм, принцип рационального поведения, гомогенность экономических агентов), не дает ответов на многие важные вопросы. Попытки же понять и принять теорию опекаемых благ, оставаясь в границах

неклассической аксиоматики, порождают неразрешимые противоречия. Собственно, это демонстрируют мои самые доброжелательные оппоненты, старающиеся «адаптировать» КЭС и Теорию опекаемых благ к формату общего русла экономической теории. Стало ясно, нужно возвращаться к началу, к обсуждению исходных предпосылок.

Дополнительным толчком к исследованию такого рода стали статьи В. Полтеровича, посвященные кризису экономической теории и общему социальному анализу (*Полтерович (1998, 2011)*), ряд публикаций «Вопросов экономики», в которых представлены результаты поведенческой экономики в контексте развития экономической науки (*Белянин (2003), Коландер (2009), Хэндс (2012)*), доклады на круглом столе «Новые подходы к методологии экономического анализа» на Втором российском экономическом конгрессе (*Суздаль, 2013*), а также несколько статей журнала «Общественные науки и современность», организовавшего обсуждение актуальных проблем теоретической экономики (*Либман (2013), Тихонова (2013), Урнов (2013), Тамбовцев (2013), Дерябина (2014)*)¹.

Есть и еще одна причина, повлиявшая на мой интерес к проблемам методологии. Дело в том, что теоретическая экономика, начиная с 30-х годов XX столетия, развивалась в условиях усиливающегося давления математических методов и моделей, которые, с одной стороны, позволили многое понять², с другой — потребовали введения весьма жестких предпосылок, в большинстве случаев, не следующих из экономического содержания моделируемых процессов. Разрыв этот накапливался и стал предметом анализа ряда теоретических работ и многочисленных эмпирических исследований, продемонстрировавших, что экономической науке стало тесно в рамках неоклассической парадигмы, которая, как пишет де Сото, «стагнирует из-за своих совершенно нереалистических аксиом, из-за своей статичной природы и своего формального редуционизма» (*де Сото (2008, с. 1)*).

-
1. Пользуясь случаем, хочу выразить свою благодарность редколлегии журнала «Общественные науки и современность», предоставившего мне возможность начать дискуссию по теоретико-методологическим аспектам КЭС и теории опекаемых благ (*Рубинштейн (2012, с. 13–34)*).
 2. Несколько лет назад в беседе с Кеннетом Эрроу я затронул вопрос о математизации экономической науки и некоторой утрате в математических моделях реального экономического содержания. На что Эрроу заметил — «экономика настолько сложна, что без математики, упрощающей реальный мир, ее понять невозможно» (*Гринберг, Рубинштейн (2010, с. 9–10)*).

В попытках преодолеть это методологическое препятствие родились КЭС и теория опекаемых благ, основанные на модификации ряда исходных предпосылок неоклассики. Я имею в виду два либеральных принципа австрийской школы, инкорпорированные в основное русло экономической теории, — методологический субъективизм и методологический индивидуализм³, и аксиому гомогенности экономических агентов. Оставаясь приверженцем методологического субъективизма и давним критиком «шаблонного методологического индивидуализма» (*De Coto (2009, с. 3)*), я исхожу из целесообразности его замены более общим онтологическим принципом, используемым в ряде научных дисциплин, в том числе в лингвистике, социологии и философии. Речь идет о некотором синтезе индивидуализма и холизма — о методологическом релятивизме (*Леуцак (2002, с. 38—42)*). В рамках КЭС он конкретизирован как принцип комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие группового интереса наряду с индивидуальными интересами членов группы. В этом я вижу родовые свойства теории опекаемых благ, объектом изучения которой является частная инициатива и государственная активность, направленные на реализацию интересов отдельных индивидуумов и общества в целом. С этих же позиций я рассматриваю предпосылки рационального поведения индивидуумов и гомогенности экономических агентов.

Замечу также, что предпосылки рационального поведения, методологического индивидуализма и гомогенности подвергались ревизии в самых разных теоретических построениях. Без претензий на исчерпывающий анализ в данной работе будут рассмотрены некоторые модификации указанных предпосылок и их различные комбинации, составляющие методологическую основу ряда теорий, обосновывающих государственную активность. Речь пойдет о соответствующих сопоставлениях экономической теории благосостояния, теории общественных товаров и мериторных благ, концепции мягкого, или либертарианского, патернализма с теорией опекаемых благ.

-
3. Среди шести принципов, которые «экономист, подготовленный в традициях австрийской школы, должен принять», Фриц Махлуп назвал методологический субъективизм и методологический индивидуализм (*Machlup (1982, P. 42)*, *Заостровцев (2007, с. 70)*). См. также: (*Волчик (2007, с. 103—104)*, *De Coto (2009, с. 3—4)*).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТИВИЗМ

Начнем с фундаментальной предпосылки теории благосостояния — принципа рационального поведения, объединившего в себе австрийский методологический субъективизм, в соответствии с которым индивидуальные предпочтения принимаются как данность, с неоклассическим допущением, что каждый индивидум выбирает лучший вариант, оптимизирующий его благосостояние. Все остальное делает невидимая рука, обеспечивающая благосостояние общества, которое дефинитивно определяется как агрегат благосостояний индивидов. Если же возникают потери общественного благосостояния, то они объясняются провалами рынка и служат обоснованием государственных интервенций, направленных на их устранение⁴. Не развивая этот известный сюжет, подчеркнем главное — одним из принципиальных допущений указанной теории является строго рациональное поведение индивидумов, максимизирующих свое благосостояние.

«Наше незнание безгранично и отрезвляюще» (Поппер (2000, с. 299)). Слова Карла Поппера звучат «отрезвляюще» по отношению к большинству моделей человеческого поведения

4. В дополнение к концепции провалов рынка экономисты все чаще обращаются к исследованию «провалов государства», где анализируется влияние сложившихся правовых норм, общественных институтов и текущих политических приоритетов на государственную активность, которая приводит, зачастую, к худшим результатам, нежели они были до вмешательства в рыночный процесс (Tullock, Seldon, Brady (2002), Winston (2006), Радыгин, Энтов (2012), Асемоглу, Робинсон (2013)).

в экономике, к тем исходным допущениям, на которые они опираются, и в том числе к постулату рациональности. «Результаты исследований, проведенных в последние четверть века, показали, что люди действительно ведут себя последовательно, но таким образом, который существенно отличается от вариантов предсказываемых стандартной моделью рациональности» (*Стиглиц* (2011, с. 300)). Регулярная критика этой «упрощающей абстракции», начавшаяся, наверное, с Торстейна Веблена, сопровождает данный онтологический принцип всю последующую его историю.

Первая значимая ревизия принципа рационального поведения связана, по-видимому, с работами Джона Катона (*Katona* (1951)) и Герберта Саймона (*Simon* (1955)). Критически оценивая реалистичность предпосылки рационального поведения, Дж. Катона писал: «...мы не должны с самого начала предполагать, что рациональное поведение имеет место. Описывая и классифицируя различные реакции, как и обстоятельства, их порождающие, мы всегда должны задаваться вопросом, вправе ли эти реакции называться «рациональными» и, если да, то до какой степени» (*Katona* (1951, S. 16)). Еще более определенную позицию занял Г. Саймон, который подверг сомнению саму способность людей правильно оценивать свой выбор (*Simon* (1955), *Саймон* (1993)). Он же ввел в научный оборот утвердившуюся в литературе категорию «ограниченная рациональность» (*Simon* (1955, 1957))⁵.

После работ Г. Саймона стало все чаще проявляться скептическое отношение к постулату рациональности, к обусловленности поведения индивидуумов их стремлением максимизировать свое благосостояние. Определенное ослабление этой исходной предпосылки нашло отражение в теориях общественных товаров и мери-торных благ, где, фактически, было снято «табу» с иррационального поведения индивидуумов. И, если в теории общественных товаров возможность «неправильных» решений признавалась лишь косвенным образом — к поведению в стиле «фрирайдера» Пол Самуэльсон

5. Мы склонны согласиться с мнением Джованни Дози: «Выражение «ограниченная рациональность» мне не нравится, в нем содержится намек на некую «олимпийскую рациональность», с высот которой мы можем судить, насколько «ограничено» то, что ограничено. Однако в меняющейся сложной среде часто оказывается, что такую совершенную рациональность нельзя определить в принципе» (*Dosi et al* (2005), *Дози* (2012 с. 40)).

добавил «ложный сигнал индивидуумов об отсутствии спроса на общественное благо» (*Samuelson (1954), Самуэльсон (2004)*), то в мериторике Ричарда Масгрейва были описаны стандартные случаи иррационального поведения (*Musgrave (1959, 1994), Масгрейв, Масгрейв (2009)*).

При этом в соответствии со специфическими свойствами общественных товаров индивидуумы *сознательно* (по Самуэльсону) скрывают свои предпочтения. В мериторной же среде искаженный сигнал о спросе возникает из-за *неосознанной* иррациональности их поведения. Речь идет о «патологическом случае», «слабоволии Одиссея», «иррациональности неимущих» и «общих потребностях» — систематически возникающих ситуациях, когда индивидуумы не способны действовать себе во благо. Прогрессирующий скепсис в отношении оптимизирующего поведения людей, как бы ни были бы определены их интересы⁶, собственно и породил мериторику с ее легитимным вмешательством в потребительские предпочтения и патерналистской политикой (*Musgrave (1959, P. 13), De Amico (2009)*), основанной на таком методологическом приеме, как «дуализм человеческого поведения».

Речь идет о том, что в теории общественных товаров и в мериторике, допускающих иррациональное поведение индивидуумов, приходится отказываться сразу от обеих составляющих категории рациональности: от оптимизирующего поведения и от австрийского субъективизма. Дело в том, что признавая сам факт нерационального поведения индивидуумов, мы вынуждены иметь в виду и такие их действия, которые можно было бы назвать рациональными. На этом пути неизбежно возникает предположение о наличии, как минимум, двух систем предпочтений, двух «стандартов оценки, которые при определенных обстоятельствах могут исключать друг друга так, что совсем другие, даже противоположные действия оцениваются как оптимальные» (*Tietzel, Muller (1998,*

6. Еще Альфред Маршал подчеркивал в «Принципах политической экономии», что эгоизм не является единственным «побудительным мотивом к деятельности человека» (*Маршал (1983, с. 77–79)*). Одним из первых, кто расширил понятие рациональности, включив в него альтруизм, был Ховард Марголис, предложивший «модель справедливого распределения» («fair-share»-модель или FS-модель), основанную на принципе дуализма личности, наличия у человека двух «я»: «Я» эгоист и «Я»-альтруист (*Margolis (1982, P. 14)*). Подробнее см.: (*Рубинштейн (2012, с. 21, 23)*).

S. 116)). При этом выявляемые рыночным механизмом предпочтения оказываются часто ложными (*Самуэльсон (2004, с. 375)*), а истинные предпочтения, соответствующие некому «нормативному стандарту», имеют только «рефлексивный характер» (*Brennan, Lomasky (1983, p. 183–206)*).

Ничего иного не добавляет и модель Р. Талера, Х. Шефрина, постулирующая «раздвоение личности» человека — одновременное исполнение им ролей безвольной жертвы искусителя (я-исполнитель) и ее рационального антипода и «гордости создателя» (я-программатор). Если «исполнитель», ориентируется на эгоистические и близорукие действия, то «программатор» стремится к реализации долгосрочных и просвещенных *интересов* (*Thaler, Shefrin (1981, P. 392–406)*)⁷. Характеризуя такую ситуацию, Томас Шеллинг отмечал: «Люди действуют, как будто два разных «Я», и по очереди правят балом» (*Schelling (1984)*). Понятно, что в подобных обстоятельствах возникает проблема самоуправления, ибо в конкретной ситуации человек может действовать иначе, нежели это отвечает его более глубокой и всесторонней оценке последствий принятых решений (*Koboldt (1995, S.13)*). Подчеркнем главное — сам факт дебабуирования иррационального поведения означает одновременно отказ от принципа методологического субъективизма, переход к множественности «Я» и использование патерналистской политики государства, направленной на поддержку того «Я», которое обеспечивает приближение к нормативному стандарту.

Вполне естественно, что экономическая теория благосостояния, опирающаяся на принцип методологического субъективизма и суверенитет потребителя, является традиционным противником патернализма. Однако ничто не стоит на месте, и в последние 30–40 лет появились многочисленные исследования в области поведенческой и экспериментальной экономики, выявившие, хотя и в лабораторных условиях, систематически повторяющиеся случаи иррационального поведения индивидуумов. На этом фоне все боль-

7. Эта работа, опубликованная первоначально в «рабочих тетрадах» (*Shefrin, Thaler (1978)*), восходит к более раннему исследованию в области экспериментальной психологии, где Ричард Шифрин и Уолтер Шнейдер, рассматривая гипотезу о наличии у человека двух когнитивных систем, обнаружили «борьбу разума с интуицией» — прообраз будущих моделей с множественностью «Я» (*Schneider, Shiffrin (1977a, 1977b)*).

шее признание получает тезис о необходимости пересмотра предпосылки рациональности (Коландер (2009), Хендс (2012), Ананьин (2013, с. 23), Ольсевич (2013 с. 11–17)).

И если теории общественных товаров и мериторных благ рассматривали ограниченную рациональность как теоретическую абстракцию, то психологи и поведенческие экономисты, проведя множество экспериментов, получили эмпирические подтверждения иррационального поведения людей. В результате к началу XXI столетия накопилась представительная коллекция «аномалий» — «эффект первоначальной наделенности», «предубеждения статуса-кво», «эффект коря», «уклонение от двусмысленности» и т.п., демонстрирующих примеры реального поведения индивидуумов, отличающегося от предсказаний стандартной теории (Kahneman, Tversky (2000), Thaler (2000), Канеман, Тверски (2003), Павлов (2007, 2011)). Данный вызов требовал адекватного ответа.

При этом одной критики мериторики и ее «методологических слабостей» (Schmidt (1988), Mller, Tietzel (1998, 2002)) без позитивной программы уже недостаточно. Эмпирические факты, не вписывающиеся в границы стандартной теории благосостояния, нуждаются в объясняющей интерпретации. Следует подчеркнуть, что на этом поприще поведенческие экономисты лишь продолжили мериторную аргументацию, основанную на идее множественности «Я», усилили ее и превратили в свой главный методологический прием⁸ (Thaler, Shefrin (1981), Sunstein, Thaler (2003)). Иначе говоря, они также пошли по пути отказа от принципа «методологического субъективизма», сохранив и развивая тем самым мериторный тренд в попытках разрешить противоречие между теоретической предпосылкой рациональности и реалиями иррационального поведения индивидуумов.

Нам бы не хотелось преувеличивать степень перемен в методологии экономической науки. Некоторые экономисты по-прежнему с очень большой настороженностью относятся к пересмотру предпосылки рационального поведения индивидуумов:

-
8. Все это напоминает «вуаль неведения» Джона Ролза, которая в свое время стала главным методологическим приемом для конституционной экономики Дж. Бьюкенена. И в одном, и в другом случае мы встречаемся с примерами «непреодолимого дуализма экономической науки» (Автономов (2013, с. 6)), или, как цитирует В. Автономов, с дилеммой «строгости и реалистичности» (Mayer (1993)).

«Если можно признать иррациональность человеческой природы, тогда можно признать и все, что угодно»⁹. Наверное, не в столь категоричной форме, но и нам кажется, что критика принципа рациональности со стороны мериторики и поведенческой экономики свидетельствует лишь о некоторых исключениях в моделях рационального выбора, которые еще нуждаются в теоретических обобщениях.

Причем наше понимание таких исключений, хотя и не полностью совпадает с взглядами Вернона Смита, но ближе к его позиции: «В случаях последних мы можем часто объяснить данные, изменив оригинальные модели. В результате мы углубляем понятие рациональности и одновременно согласуем данные с моделями; улучшенные нормативные модели точнее предсказывают экспериментальные результаты» (*Smith (1991, P. 878)*)¹⁰. Иначе говоря, углубление понятия рациональности, которое можно трактовать как ослабление этой исходной предпосылки, позволяет не только исправить, но и улучшить результаты таких моделей. Мы имеем в виду смягчение стандартных требований к предпочтениям индивидуумов, и прежде всего учет сложившейся институциональной среды и внешних факторов, влияющих на эти предпочтения.

Главным же здесь остается вопрос, нужно ли в объяснении иррационального поведения индивидуумов отказываться от обеих составляющих категории рациональности. Нам кажется, что такой необходимости нет. Оставаясь в границах методологического субъективизма с его требованием принимать индивидуальные предпочтения как данность, можно искать решение в иной трактовке допущения об оптимизирующем поведении индивидуумов¹¹. Дело в том, что с позиций методологического субъективизма каждый чело-

-
9. В специальном докладе «Новый патернализм. Добродушное государство», опубликованном в журнале «Экономист» в апреле 2006 г. был представлен весьма подробный обзор различных взглядов на поведенческую экономику и «принесение в жертву» принципа рациональности (www.economist.com/node/6768159).
10. Заметим, что позиция В. Смита в этом вопросе очень напоминает отношение Милтона Фридмана к предпосылкам теоретических моделей, значимость которых определяется их прогностическим успехом (*Friedman (1953)*).
11. Следует обратить внимание на цитированную выше работу Д. Дози, посвященную эволюционному моделированию неравновесных процессов, где исследуется возможность отказа от принципа максимизирующего поведения индивидуумов (*Дози (2012)*).

век в отдельности в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности и вкусы, ведет себя субъективно оптимально. И если такое поведение оценивается как иррациональное или ограниченно рациональное, то это означает, что подобная оценка получена из внешнего по отношению к индивидууму источника на основе определения так называемого нормативного стандарта.

Люди могут выбирать не самый лучший вариант по отношению к нормативному стандарту в силу многих обстоятельств, в том числе из-за мериторных дефицитов знаний, воли и ресурсов. При этом и мериторика, и поведенческая экономика, и выросший из нее либертарианский патернализм (*Sunstein, Thaler (2003, 2008), Camerer et al. (2003)*), исходят из того, что действия государства, направленные на изменение сложившихся обстоятельств, способны улучшить качество поведения людей, приблизить их предпочтения к нормативному стандарту. Не обсуждая пока тему самого нормативного стандарта — к ней мы вернемся позже, заметим, что в результате вмешательства государства, подталкивающего индивидуумов к правильным решениям, субъективно рациональное поведение индивидуумов, обретает черты рационального выбора, а выявленные предпочтения начинают соответствовать нормативному стандарту.

Главное же достоинство этой конструкции, по мнению лидеров данного направления, заключается в том, что политика подталкивания устраняет противоречие между патернализмом и свободой выбора (*Sunstein, Thaler (2003, P. 1188)*). Не вполне соглашаясь с этим однозначным утверждением¹², заметим, что само подталкивание — инструментарий, перешедший из мериторики, представляет собой создание условий, при которых индивидуум, выбирая субъективно лучший для себя вариант, реализует нормативный стандарт или, по крайней мере, приближается к нему.

Вообще говоря, все это очень напоминает методологию Джона Нэша, в соответствии с которой индивидуумы в предлагаемых обстоятельствах всегда действуют субъективно рационально. Однако из-за плохих правил игры (институциональной среды или

12. В стандартном примере поведенческих экономистов у потребителя есть выбор между комплексным обедом и заказом по меню. При этом умалчивается, на основе чего формируется комплексный обед (нормативный стандарт), к которому подталкивается потребитель. Пусть в мягкой форме, но и здесь индивидууму навязываются определенные предпочтения.

сложившихся обстоятельств) их действия могут приводить к потерям индивидуального благосостояния (*Майерсон (2010, с. 29)*), т. е. к эмпирически наблюдаемой иррациональности (равновесие Нэша). При этом изменение правил игры в соответствии с тем же патерналистским пониманием «как должно быть» может подтолкнуть индивидуумов к выбору такой доминирующей стратегии, в которой их предпочтения будут соответствовать нормативному стандарту.

Другими словами, методология Нэша дает возможность при тех же обоснованиях государственной активности сохранить базовую предпосылку субъективной рациональности индивидуумов, замещая двоемыслие и множественность «Я», присущие мериторике и поведенческой экономике, положением о неэффективной институциональной среде. При использовании методологии Нэша все виды патернализма легко вписываются в инструменты модернизации институциональной среды. Вместе с тем и здесь остается вопрос определения нормативного стандарта — генерирования знания «как должно быть», которое, собственно, и определяют характер и конкретные направления институциональной модернизации, «подталкивающей» индивидуумов к выбору «правильной» стратегии.

Остановимся теперь на предпосылках теории опекаемых благ, которая продолжает мериторную линию, впитавшую в себя, как отмечает Ричард Штурн, «традиции немецкой финансовой науки и общественных финансов по Пигу» (*Sturm (2010)*). Повторим в связи с этим главную дефиницию мериторики: мериторными называются блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от желаемого обществом и стимулируется государством. Таким образом, само понятие мериторики непосредственно связано с нормативным общественным интересом. Именно данный аспект концепции Р. Масгрейва для нас особенно важен, ибо здесь, собственно, и проявляются родственные связи теории опекаемых благ с мериторикой.

Правда, на этом сходство и заканчивается. Сохраняя в основании теории опекаемых благ австрийский принцип методологического субъективизма и рассматривая поведение людей как данность, мы исходим из того, что они действуют субъективно рации-

онально, в том числе и во всех ситуациях, описанных Р. Масгрейвом, а позже и поведенческими экономистами. При этом для объяснения их поведения не обязательно прибегать к искусственной гипотезе двоемыслия. Достаточно с иных позиций взглянуть на вторую составляющую категории рациональности — на оптимизирующее поведение индивидуумов (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ модификации предпосылки рационального поведения индивидуумов

Составляющие	Теория благосостояния	Теория общественных товаров	Теория мериторных благ	Концепция мягкого патернализма	Теория опекаемых благ
Предпочтения индивидуумов	Методологический субъективизм	Ложные сигналы	Искаженные сигналы	Искаженные сигналы	Методологический субъективизм
		Истинные предпочтения	Истинные предпочтения	Истинные предпочтения	
Оптимизирующее поведение	Полная рациональность	Ограниченная рациональность	Ограниченная рациональность	Ограниченная рациональность	Субъективная Рациональность

Подчеркнем главное, принципиальное отличие теории опекаемых благ от мериторики Р. Масгрейва заключается не в отрицании двойственности предпочтений, а в ином понимании ее природы. В нашем представлении подобная двойственность обусловлена существованием двух принципиально различных субъектов, имеющих свои предпочтения, но никак не предполагает двоемыслия одного и того же индивидуума. Потому ситуация, описанная в мериторике и повторенная в поведенческой экономике, когда о второй своей мысли сами индивидуумы не знают, но ведают о ней третьи лица, которые ради их счастья стимулируют именно эту мысль, содержательно ничего не меняет. Амбивалентность предпочтений индивидуумов неизбежно ведет к наличию внешнего источника их оценки: кроме множественности «Я» появляется судья со своим нормативным стандартом, который и решает, кто из «Я» прав.

Собственно, исходя из этого, в теории опекаемых благ и была предложена иная трактовка двойственности предпочтений индивидуумов. Процитируем в связи с этим один из принципов

римского частного права: желание не может быть признано несправедливым — «*volenti non fit iniuria*». В данном контексте сформулированная в теориях общественных товаров и мериторных благ исходная дилемма между ложными и истинными предпочтениями индивидуумов, повторенная и усиленная поведенческими экономистами, по существу сама ложна. Исходя из такого отношения к модели двоемыслия и придерживаясь принципа методологического субъективизма, подчеркнем, что в основе теории опекаемых благ лежит другая исходная предпосылка, объясняющая природу двойственности предпочтений. Речь идет о допущении существования внешнего источника оценки, автономного носителя предпочтений, которые можно трактовать в качестве нормативного стандарта.

НОРМАТИВНЫЙ СТАНДАРТ: ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Экономическая теория благосостояния, как известно, исходит из полной рациональности агентов. Речь идет о стремлении индивидуумов к максимальной реализации своих структурированных и согласованных предпочтений и выборе из всех доступных альтернатив наилучших для себя вариантов поведения. Выявляемые посредством рыночных механизмов предпочтения выступают в качестве позитивного по своей природе нормативного стандарта, причем независимо от того, идет ли речь об оценке благосостояния отдельных людей или всего общества. При этом можно согласиться с А. Радыгиным и Р. Энтовым, что «возникают многочисленные трудности как в выявлении и соответствующем использовании информации о предпочтениях всех участников, так и при формировании основы, на которую должна опираться государственная деятельность» (Радыгин, Энтов (2012, с. 8)).

Думается, трудности эти непосредственно обусловлены тем, что основа, на которую должна опираться государственная деятельность (нормативный стандарт), имеет исключительно ценностную природу и, по существу, не зависит от позитивных предпочтений участников. Преодоление этих трудностей, допуская существование только рыночной ветви формирования общественных интересов, агрегирующей индивидуальные предпочтения, представляется нам совершенно нереальным делом. Подчеркнем также, что не во всем подтверждаемая эмпирическими исследованиями гипотеза о рациональном поведении индивидуумов и неспособность стандартной теории благосостояния объяснить результаты пове-

денческих экономистов снижает ценность этой важнейшей теории двадцатого столетия.

Несколько иная ситуация характерна для теории общественных благ. Особенности этих товаров и услуг, обладающих свойствами неисключаемости и несоперничества, обуславливающие эгоистический интерес индивидуумов подавать ложный сигнал о нулевом спросе на общественное благо, и отсутствие рыночного механизма выявления индивидуальных предпочтений дали основание П. Самуэльсону сформулировать свою теорему «О невозможности». В соответствии с ней децентрализованного решения о выпуске общественного блага не существует (*Самуэльсон (2004, с. 374)*). Объем производства такого блага определяет государство, устанавливающее «как должно быть», т. е. нормативный стандарт, генерируемый «экспертом по этике» (*Samuelson (1954, P. 388)*). В этой теории, по-видимому, был впервые предложен нормативный выбор, который, собственно, и позволил разрешить конфликт между ложными и истинными предпочтениями индивидуумов.

В отличие от теории опекаемых благ, в которой автономный носитель предпочтений определяет нормативный стандарт, и теории общественных товаров, где это делает самуэльсоновский «эксперт по этике», в мериторике и концепции мягкого, или либертарианского, патернализма данная предпосылка в явном виде не сформулирована. Поэтому и нормативный стандарт в этих теориях остается неопределенным ровно в той мере, в какой не определены истинные предпочтения индивидуумов. Любая же попытка конкретизировать истинные предпочтения или хотя бы снизить уровень их неопределенности имеет в своей основе неясно откуда возникающее знание того, что хорошо, что плохо и как должно быть. И даже если последующие манипуляции, сохраняющие большую свободу выбора индивидуума, мы признаем в качестве эффективных инструментов политики государства, все равно остается общая методологическая дыра этих теорий — отсутствие определения нормативного стандарта.

Надо сказать, что «смутность представлений государства об истинных предпочтениях индивидуумов» (*Schmidt (1988, S. 384)*) и вероятность произвола в определении нормативно правильных предпочтений (нормативный стандарт) всегда были ахиллесовой пятой

мериторики. И можно скорее согласиться со старым замечанием Мак Люра (*McLure (1968, S.479)*), указавшего на этот недостаток еще сорок пять лет назад, чем с Мюллером и Титцелем, которые утверждают, что государству не обязательно надо знать истинные предпочтения индивидуумов (*Müller, Tietzel (1998, S. 106)*).

Такая лояльность критиков мериторики обусловлена их приверженностью индивидуалистической парадигме. Оставаясь адептами методологического индивидуализма, они исходят из того, что нормативный стандарт либо вовсе не нужен, либо он суть агрегат индивидуальных предпочтений (*Müller, Tietzel (1998, S. 106)*). В этом же ряду находятся многочисленные попытки примирить мериторику с методологическим индивидуализмом (*Brennan, Lomasky (1983, S. 183–206)*, *Head (1988, S. 1–37)*, *Priddat (1992, S. 239–259)*, *Koboldt (1995, S. 153)*) и ссылки на конституционную экономику, где нормативный стандарт определяется с помощью консенсуса индивидуальных предпочтений и индивидуумы рассматриваются в качестве исключительного источника оценок (*Buchanan (1986, P. 249)*). Однако этот подход наталкивается на очевидное противоречие между исключительным источником оценок и присущей мериторике множественности «Я».

Если в теории благосостояния методологический индивидуализм, используемый в комбинации с методологическим субъективизмом, является вполне естественной предпосылкой, то в мериторике, отказавшейся от австрийского субъективизма и допускающей наличие двух источников оценки, двух систем предпочтений индивидуумов, возникает неразрешимая задача их согласования с этим онтологическим принципом. Дело в том, что присущая теории Масгрейва амбивалентность предпочтений индивидуумов, как уже отмечалось, неизбежно ведет к появлению внешнего источника оценки с его нормативным стандартом. Оставаясь же на позициях методологического индивидуализма, нормативный стандарт приходится искать непосредственно в предпочтениях индивидуумов. При этом в отличие от теории благосостояния в мериторике рыночный механизм имеет дело лишь с искаженными предпочтениями индивидуумов. На роль же нормативного стандарта могут претендовать только их истинные предпочтения, определение которых само нуждается в нормативном стандарте. Здесь круг замыкается логической петлей.

Вывод напрашивается сам собой. Отказ мериторики от методологического субъективизма и использование модели человеческого поведения, основанной на двоемыслии, или множественности «Я», приводит де-факто и к отказу от методологического индивидуализма. Что же остается в этом случае, на каких методологических предпосылках строится данная теория? Отметим, что, кроме явно сформулированной двойственности предпочтений, в этой теории присутствует и *неявная* двойственность трактовки самой индивидуалистической нормы. С одной стороны, возможность сосуществования искаженных и истинных предпочтений индивидуумов требует внешнего источника оценки, который плохо согласуется с методологическим индивидуализмом, с другой — эта теория предполагает, по умолчанию, что нормативный стандарт может быть сформулирован в терминах истинных предпочтений индивидуумов, т. е. в границах методологического индивидуализма (*Head (1988, S. 27)*).

«Не натвори чего-нибудь, Филипп, ведь ты подумал о счастье человечества», — это эпитафия к статье Курта Шмидта (*Schmidt (1988, S. 384)*), в котором он приводит слова Альфреда де Мюссе из его «Лорензаччо». Прекрасно подобранный эпитафия, с удивительной точностью выражающий либеральную традицию, фиксирует болевую точку мериторики. При этом не свободные от критики идеи Масгрейва, попытавшегося объяснить и примирить вмешательство государства с либеральной экономической теорией¹³, получили развитие в работах поведенческих экономистов, сторонников мягкого патернализма. Думая о счастье человечества, они согласились в том, что не все можно отдать невидимой руке, что-то надо сделать и государству, подталкивая людей к правильным решениям. В их понимании общество должно дать возможность быть счастливым всем: и тем, кто не имеет о счастье истинных представлений, и тем, у кого для этого нет средств или воли принимать верные решения, наконец, будущим поколениям людей.

Следует подчеркнуть также, что при всей актуальности концепции либертарианского патернализма ее можно рассматри-

13 Отметим, в частности, что общественный интерес Р. Масгрейв рассматривает как результат «передачи в политический траст» индивидуальных предпочтений. Голоса на выборах за того или иного кандидата, индивидуумы вместе со своим голосом передают ему право выражать их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения (*Рубинштейн (2009)*).

вать лишь в качестве второго открытия мериторики, которое сделали поведенческие экономисты. Причем с точки зрения методологии мягкий патернализм почти ничем не отличается от мериторики, предполагающей вмешательство в потребительские предпочтения. И хотя в этой концепции описаны несколько иные факторы, влияющие на индивидуальный выбор, не связанный с повышением благосостояния, принципиальным остается подталкивание индивидуумов к принятию *нормативно верных* решений. Иначе говоря, либертарианский (Sunstein, Thaler (2003, P. 1188)) и асимметричный (Camerer et al (2003, P. 1212)) патернализм, предполагающие замещение прямого ограничения выбора индивидуумов опцией по умолчанию, сохраняют в своей основе мериторное вмешательство в потребительские предпочтения.

Используя достижения поведенческой экономики, Санштейн и Талер фактически повторили патерналистский тезис мериторики, на что обращает внимание и де Амико (De Amico (2009)). Нетрудно понять при этом, что патернализм в любой форме, включая либертарианский, асимметричный и «политику мягкого подталкивания», основан на нормативном стандарте, на знании «*что должно быть*». Вполне уместными поэтому являются упреки исследователей, стоящих на платформе позитивного экономического анализа. По мнению Р. Сагдена, например, либертарианский патернализм — это «концепция, предусматривающая плановика, несущего ответственность за сопоставление сведений об индивидуальных предпочтениях и благосостоянии, который затем, руководствуясь этими данными, будет способствовать росту всеобщего блага» (Sugden (2008, P. 229)).

Комментируя же чисто мериторный тезис Санштейна и Талера о патерналистской компенсации неполноценной информации, ограниченных умственных возможностей и недостаточной воли индивидуумов (Sunstein, Thaler (2003, P. 1162)), Сагден подчеркивает — «без нормативных суждений мы не сможем определить, что считается полноценной информацией, неограниченными умственными возможностями, или абсолютным самообладанием» (Sugden (2008, P. 232)). Иначе говоря, и здесь нормативная природа истинных предпочтений индивидуумов требует внешнего источника оценки их благосостояния, генерирующего нормативные суждения, или норма-

тивный стандарт, который, однако, плохо согласуется с индивидуалистической нормой. Таким образом, можно утверждать, что в данном вопросе мериторика и мягкий патернализм мало чем отличаются друг от друга и страдают, фактически, одной и той же болезнью: несовместимостью модели поведения индивидуумов с множественностью «Я» с принципом методологического индивидуализма.

Сформулируем общий вывод. Исследования поведенческих экономистов привели не только к повторному открытию мериторики, развитию модели поведения индивидуумов с множественностью «Я» и усилению нормативного вектора в экономическом анализе, но породили и очередные сомнения в абсолютизации принципа методологического индивидуализма, в соответствии с которым любые интересы общества могут быть описаны через предпочтения индивидуумов, имеющих суверенный статус. В подтверждение таких сомнений сошлюсь на старый философский закон Дэвида Юма — «невозможно вывести то, “что должно быть” из того, “что есть”, и математическую формулировку по сути того же вывода в виде теоремы Эрроу о невозможности. Их прямым следствием является утверждение о том, что патерналистские установки общества и соответствующий им нормативный стандарт невозможно вывести из предпочтений индивидуумов, имеющих позитивную природу.

Теперь о нормативном стандарте в трактовке теории опекаемых благ, в которой с единых позиций обосновывается патерналистское вмешательство государства (*Рубинштейн (2009а)*). Повторим в связи с этим слова Гуннара Мюрдаля: «..единственный способ, которым мы можем стремиться к объективности в теоретическом анализе, — это вынести наши ценности из тени на свет, осознать их, специфицировать, открыто заявить о них и позволить им определять теоретические исследования» (*Myrdal (1970, P. 55–56)*). Такой дефинитивной особенностью опекаемых благ является их социальная полезность — способность удовлетворять интересы общества, формирующие нормативный стандарт. Это относится как к общественным и мериторным благам, так и к товарам и услугам, производство и потребление которых связано с рыночными провалами.

И если для теорий общественных и мериторных благ данное положение можно считать доказанным, то в отношении рыноч-

ных провалов необходимы специальный комментарий и ответы на ряд вопросов. Например, как рассматривать бедность, которая, по Масгрейву, ведет к нерациональному поведению индивидуумов и, как следствие, к неэффективному распределению ресурсов? Как оценить, что лучше для общества, прямые потери благосостояния от неэффективного использования ресурсов при отсутствии бедности или отсутствие таких потерь при высоком уровне бедности? Куда поместить ряд других случаев, которые разные авторы оценивают по-разному: и как рыночный изъян, и как провал государства.

Размышляя над этими вопросами, следует обратить внимание на то общее, что экономисты соотносят с провалами рынка. В соответствии с дефиницией данного феномена речь всегда идет о ситуациях, которые оцениваются как неудовлетворительные. Именно *оцениваются* экономистами, опирающимися на нормативный стандарт, выработанный соответствующей теорией¹⁴. В этих оценках неизбежно присутствует конвенциональный элемент, не имеющий отношения к самому рыночному механизму. Более того, «провал рынка» — это лишь привычная метафора, маскирующая нейтральность механизма саморегулирования¹⁵. Результаты же его действия не могут быть ни ошибочными, ни правильными. Таковыми они становятся лишь в ценностных суждениях людей¹⁶.

С позиций теории опекаемых благ несостоятельность рынка ничем не отличаются от других ситуаций, которые признаются неудовлетворительными. Например, если рассматриваемые монополия или «ухудшающий отбор» не одобряются обществом, то их можно считать аналогом равновесия, которое оценивается как нежелательное из-за усилившегося неравенства в распределении богатства. В обеих этих ситуациях, как и в случае поведения

14. По мнению Д. Дэвидсона, например, если нет возможности интерпретировать поведение индивидуума как «истинного по нашим собственным стандартам, то у нас нет причин считать его рациональным» (Дэвидсон (2003, с. 197)). Подчеркнем тот факт, что экономисты оценивают поведение индивидуумов, используя *собственные стандарты*.

15. Мы склонны думать, что «провал государства» — это тоже метафора, причем из того же ряда. Так, даже демократическое устройство общества «не всегда предполагает более тщательное изучение подлинных предпочтений населения и выявление лучших возможностей удовлетворять такие потребности» (Радыгин, Энтов (2012, с. 9)). Речь опять же идет о «лучших возможностях» — ценностных суждениях, опирающихся на *собственные стандарты*.

16. Примером ценностного суждения является критерий оптимальности по Парето.

индивидуумов, которое трактуется как нерациональное, речь идет исключительно о ценностных суждениях, отражающих нормативные установки общества в форме соответствующих предпочтений государства – автономного субъекта рынка (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ определений «нормативного стандарта»

	Теория благосостояния	Теория общественных товаров	Теория мериторных благ	Концепция мягкого патернализма	Теория опекаемых благ
Нормативный стандарт	Выявленные предпочтения	Предпочтения самуэльсоновского «эксперта по этике»	Ценностные суждения	Ценностные суждения	Нормативные предпочтения общества

Итак, нормативный стандарт в версии теории опекаемых благ представляет собой отражение не сводимого к предпочтениям индивидуумов нормативного интереса общества. Факт существования такого интереса обоснован соответствующей исходной предпосылкой, в основе которой лежит релятивистская философия. В плане методологии здесь прячутся два вопроса. Во-первых, почему надо отказываться от методологического индивидуализма и рассматривать существование автономного интереса общества в качестве исходной предпосылки? Во-вторых, что представляют собой «нормативные предпочтения общества», какова их природа, сущность и механизмы формирования? Остановимся на первом вопросе.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ

Нам часто приходилось слышать упрек в том, что существование общественного интереса, не сводимого к индивидуальным предпочтениям, в КЭС постулируется. Это правда, но только часть правды. Речь идет о замене одного из постулатов стандартной теории — методологического индивидуализма более общей исходной посылакой. В этом смысле методологический индивидуализм и замещающий его принцип методологического релятивизма имеют одинаковую аксиоматическую природу. И хотя наш коллега А. Либман обращает внимание на неравнозначность этих постулатов, полагая, что «проще допустить, что все сводится к действиям хорошо наблюдаемых и известных нам индивидов, чем строить более сложную теорию», согласиться с ним мы не можем.

Конечно, «проще предположить, что все сводится к действиям хорошо наблюдаемых и известных нам индивидов», но дело в том, что это предположение не позволяет объяснить целый класс явлений. В согласии с данной предпосылкой, в частности, невозможно определить нормативный стандарт в теориях общественных и мериторных благ, в концепции мягкого патернализма, где используется модель поведения индивидуумов с множественностью «Я». Кроме того, было бы странным и явно ошибочным думать, что существование в КЭС и теории опекаемых благ общественного интереса, не сводимого к индивидуальным, можно сочетать с методологическим индивидуализмом.

Надо сказать, что общественные интересы в целом, как и проблема их взаимосвязи с индивидуальными предпочтениями, — это вечные сюжеты, кочующие по странам и эпохам. К концу девятнадцатого столетия обозначились два тренда в интерпретации общественного интереса. Так, германская традиция, постулируя интерес общества как такового (*холизм*), признала категорию «коллективные потребности» в качестве фундаментальной основы знаменитой «немецкой финансовой науки». Английская же традиция отрицала саму возможность существования интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*). Став в двадцатом веке антитезой холизму, методологический индивидуализм занял прочное место в основном русле экономической теории. Однако такое положение вызывает у нас чувство неудовлетворенности. Именно здесь мы видим одну из главных преград развития экономической теории и необоснованного сужения общего социального анализа. Последний вывод можно представить в инверсионной форме — отказ от радикализации индивидуализма и переход к релятивистской философии предоставляет возможность формирования экономической методологии с использованием более общих предпосылок.

В связи с этим выскажем ряд замечаний в отношении интерпретации индивидуализма и холизма. Но сначала аргументы *«pro at contra»*. Альберт Шэффле, например, писал о наличии общественных потребностей, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» (*Schaffle (1873, S. 113)*). Еще более определенно высказался Карл Менгер: «...не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития — это общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов и даже с потребностями всех членов, вместе взятых» (*Menger (1923, S. 8)*).

Альтернативные суждения, типичные для двадцатого столетия, можно найти у Пола Самуэльсона — «я не предполагаю наличие мистического коллективного разума, который позволяет наслаждаться пользованием коллективных потребительских благ...» (*Samuelson (1954, p. 387)*), Ричарда Масгрейва — «поскольку группа людей как таковая не может говорить, возникает вопрос, кто способен выразить чувства этой группы» (*Musgrave (1959, P. 87)*)

и Карла Поппера — «поведение и действия таких коллективов как группы должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей» (Поппер (1992, с. 109))¹⁷. Таких простых аргументов и контраргументов можно найти достаточно много с каждой стороны.

Мы же думаем, что время *простых* аргументов прошло. С позиций современной науки об обществе с ее принципиальной предпосылкой о «фоновом пространстве значений»¹⁸ и институциональным пониманием социума они не кажутся уже столь убедительными. Представление о том, что носителем всякого интереса является какое-либо одушевленное существо, явно поверхностно. В условиях усложнения связей между людьми сами институты генерируют специфические интересы отдельных общностей индивидуумов и общества в целом. При подключении же теории игр к обсуждению данного вопроса стал очевиден и другой вывод: в результате автономных и своекорыстных решений индивидуумов их совокупность в целом может перейти в положение, которое противоречит целям каждого из них. Иначе говоря, полученный результат не всегда редуцируется к функциям полезности индивидуумов, что свидетельствует также о наличии у социальной целостности системных свойств, не имеющих у индивидов.

В этом смысле показательна дискуссия вокруг дилеммы индивидуализм—холизм, развернувшаяся во второй половине двадцатого столетия (Блауг (2004, с. 100–101), Krimerman (1969), O'Neil J. (1973)). Одна из ее особенностей была связана с тем, что критики холизма не вполне обоснованно стали выводить методологический индивидуализм из онтологического индивидуализма — из того, что общество состоит из людей, из представлений о том, что все общественные институты создаются индивидуумами, а социальные целостности есть лишь гипотетические абстракции (Kincaid (1998, P. 295)). Однако такой подход был поддержан далеко не всеми. «Люди не создают общество — пишет Рой Бхаскар, — поскольку

17. По мнению М. Блауга «...собственные работы Поппера не дают представления о том, насколько решительно он настаивает на методологическом индивидуализме» (Блауг (2004, с. 100)) и в известном методологическом споре 1950-х годов сам Поппер не участвовал.

18. Речь идет о наличии «фоновое пространство значений», существующего вне голов индивидуумов, в котором их мысли и слова обретают общий смысл» (Витгенштейн (1994)). Мы еще вернемся к этому важному философскому положению, которое, на наш взгляд, создает основу для научного объяснения процессов формирования социальных установок.

оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности» (*Bhaskar (1989, P. 36)*). Приведем и слова М. Блауга: «...но, хотя на тривиальном уровне онтологический индивидуализм и справедлив, он не обязательно связан со способом, которым мы должны или не должны изучать коллективные феномены, то есть с методологическим индивидуализмом» (*Блауг (2004, с. 101)*). При этом, по-видимому, уже сложилось общее впечатление о недостаточной корректности перехода от онтологического индивидуализма к методологическому индивидуализму (*Ходжсон (2008, с. 45, сн. 3)*).

В конце XX столетия эта дискуссия перешла в основном в работы социологов, где сохранилась историческая «оппозиция крайностей» — методологический коллективизм Эмиля Дюркгейма (*Дюркгейм (1899)*, *Гофман (2001)*) с требованием рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям, и методологический индивидуализм Макса Вебера (*Вебер (1980)*, *Вебер (1994)*) с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов. И все же главный вектор этой дискуссии сместился в область менее радикального восприятия индивидуализма.

Бенно Верлен, в частности, подчеркивает, что «методологический индивидуализм не означает отрицания существования коллективностей и институтов. Равно как не требует он и соглашаться с утверждением, что общество — это не более чем совокупность принадлежащих к нему индивидов, или что общество можно свести к индивидуальной психологии и объяснить его в ее понятиях» (*Верлен (2002, с. 16)*). Близких позиций придерживается и Джозеф Агасси, трактующий методологический индивидуализм в нейтральных и даже примирительных тонах (*Agassi (1960, 1973)*). Все это указывает на формирование определенного компромисса между холизмом и индивидуализмом, на движение в сторону релятивистской методологии.

Так, Энтони Гиденс, с одной стороны, рассматривает методологический индивидуализм как возможную альтернативу структурной социологии, с другой стороны, приходит к выводу, что структурная социология и методологический индивидуализм не являются альтернативами, такими, что, отрицая одну, мы принимаем другую (*Giddens (1984, 2001)*). Продолжает эту линию в рамках реляти-

вистской методологии и другой английский социолог — Р. Бхаскар, полагающий, что социальные отношения совместимы и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями (Бхаскар (1991)).

Примерно таких же взглядов придерживается представитель французской социологии Раймон Будон, который подчеркивает, что методологический индивидуализм является необходимой, но недостаточной предпосылкой исследования общества, требующего обязательного рассмотрения макросоциологических феноменов (Boudon (1988), Будон (1999)). При этом и он позиционирует себя ближе к центру, и делает весьма важную оговорку: «...уподобление группы индивидууму правомерно лишь в том случае, когда группа организована и явно наделена институциональными формами, позволяющими ей принимать коллективные решения» (Boudon (1979)).

В этом контексте имеет смысл обратить внимание на работы Алена Турена и Мишеля Крозье, отличительная черта которых — признание двойственности общественной жизни, где социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы окружающей действительности (Touraine (2005), Крозье (1993, с. 35–43))¹⁹. В методологическом плане исследовательские установки А. Турена и М. Крозье вполне корреспондируют с подходами Э. Гиденса и Р. Бхаскара и, фактически, базируются на синтезе микро- и макросоциологических подходов, на синтезе холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из этих принципов. Думается, что эта, по сути, релятивистская методология создает дополнительные возможности в исследовании современного общества и расширяет границы экономического анализа.

Теперь имеет смысл рассмотреть более сложный и даже более тонкий аспект обсуждения дилеммы индивидуализм—холизм, характерный для современной философии, разделяющей и неразрывно дополняющей анализ поведения индивидуумов и функционирования институтов как элементов общества как такового. В связи с этим надо обратить внимание на исследование канадского философа и культуролога Чарльза Тейлора. Продемонстрировав

19. См. развернутый обзор современной французской социологии Поля Ансара, опубликованный в нескольких номерах «Социологического обозрения» (Ансар (1995, 1996, 1997)).

один из возможных путей развития методологии экономического анализа, он выделил так называемые «неразложимо социальные блага», по природе своей не предназначенные для индивидуального потребления (*Taylor (1989), Тейлор (2001)*).

В сущности они идентичны «социальным благам» в КЭС и теории опекаемых благ, которые, не имея индивидуальной полезности, обладают способностью удовлетворять несводимые (*неразложимые*) потребности общества (*Рубинштейн, Гринберг (2000, с. 47–54), Рубинштейн (2008, с. 93–114)*). Однако главным в работе Ч. Тейлора является даже не результат, имеющий самостоятельное значение, а та аргументация, с помощью которой он обосновывается. Речь идет о совершенно ином направлении анализа, опирающемся на методологию австрийского философа Людвиг Витгенштейна, обогатившего современную философию категориями мысли и языка (*Витгенштейн (1994, 2009), Болдырев (2008)*), и исследования одного из создателей семиотики швейцарца Фердинанда де Соссюра, продемонстрировавшего фундаментальные различия и циклическую связь между языком и речью (*Соссюр (2000, 2009)*).

Воспользовавшись уже упоминавшимся понятием Л. Витгенштейна «фонового пространства значений, существующего вне голов индивидуумов»²⁰, и распространив его на отношения людей в социуме, Ч. Тейлор не только усилил доводы в пользу взаимодополняемости институтов и деятельности индивидуумов, но, что особенно важно, ввел в научный оборот феномен «общего понимания» — наличие «фоновой основы практик, институтов и представлений» (*Тейлор (2001, с. 12)*), имманентных обществу как социальной целостности. Такой подход обеспечил выход за тесные рамки методологического индивидуализма и создал философскую основу для рассмотрения социума как носителя особых свойств и даже потребностей, которые способны удовлетворять «неразложимо социальные блага»²¹.

20. Иллюстрируя идеи Л. Витгенштейна, Ч. Тейлор приводит следующие слова: «Мысли подразумевают и требуют фоновое пространство значений для того, чтобы быть теми мыслями, которыми они являются» (*Тейлор (2001, с. 10)*).

21. Назвав феномен «общего понимания» культурой и применив подход Ф. де Соссюра к широкому классу социальных явлений, Ч. Тейлор определил тем самым ее единственного носителя — общество, как таковое.

Демонстрируя замкнутый соссюрровский круг, Ч. Тейлор отмечает: «Речевые действия подразумевают существование языка, язык же воспроизводится в речевых действиях» (Тейлор (2001, с. 11)). С определенной натяжкой соссюрровский круг можно ассоциативно распространить и на пару индивидуумы и институты — взаимодействия индивидуумов следует рассматривать в рамках культуродетерминированных институтов, которые воспроизводятся в действиях индивидуумов. Подчеркнем, что здесь Тейлор пошел дальше упоминавшихся выше социологов, сохранив, однако, характерный для них принцип взаимодополняемости холизма и индивидуализма, корреспондирующий с методологией релятивизма, используемой в КЭС и теории опекаемых благ.

Следование этому принципу позволяет освободиться от атомизации общества, поскольку допускает объяснение поведения индивидуума в том числе «макросоциологическими переменными». На это указывает и М. Блауг применительно к экономической методологии: «...в принципе, крайне желательно, чтобы все холистические концепции, макроскопические факторы, агрегированные переменные были определены в терминах индивидуального поведения там, где это возможно. Но когда это невозможно, не будем впадать в молчание на том основании, что мы не можем преступить принцип методологического индивидуализма» (Блауг (2004, с. 103)).

Такую *невозможность*, по-видимому, обнаружил и Джон Мейнард Кейнс. Ключевые понятия своей теории, отражающие макроэкономические характеристики системы в целом, он выводил, как известно, из макроявлений того же порядка, а не из поведения индивидуумов. Безработицу, к примеру, он объяснял недостаточностью совокупного спроса и т.п. И хотя критики кейнсианства настаивали на необходимости интерпретации макроявлений посредством микроэкономических действий, похоже, их точка зрения главенствовать не стала. Тезис о том, что объяснение социальных феноменов нельзя сводить к действиям индивидуумов, утвердился и в новой институциональной экономике (Aoki (2001)).

Уместно здесь привести и слова Джорджа Ходжсона: «...несмотря на столетнее соперничество между методологическими индивидуалистами и коллективистами, у них гораздо больше общих черт, чем обычно предполагается. Методологический инди-

видуализм требует объяснять общество с точки зрения индивида, теряя из виду ключевые механизмы социального влияния, а потому приходится принимать цели и предпочтения индивидов как заданные. Методологический коллективизм объясняет индивида через общество, и, следовательно, ему недостает адекватного объяснения того, как могут меняться цели и предпочтения индивидов. Варианты объяснений в рамках обеих методологических стратегий различны, но результаты в существенных своих чертах схожи» (Ходжсон (2008, с. 51)).

Не помню, где прочел, возможно, у А.Б. Гофмана, но хорошо помню смысл прочитанного. Существует множество уровней исследования общества и человеческих реальностей. При этом специфика различных уровней никогда не исчезает: любой исследователь в одних случаях объясняет индивидуальное поведение общественными условиями, в которых находятся индивиды, в других — анализирует коллективы с помощью индивидуального поведения. Данный вывод отражает саму суть релятивистской методологии, которая близка и ряду российских экономистов (Автономов (1998), Полтерович (2011), Лившиц (2013), Ореховский (2013)).

Этот небольшой экскурс потребовался нам для того, чтобы показать обоснованность перехода от строго индивидуалистической нормы к методологическому релятивизму. Вспомним Блауга — там, где возможно, общественные предпочтения желательно описывать в виде агрегата предпочтений индивидуумов, когда же это невозможно, следует рассматривать иные законы формирования интересов социума. Речь идет об исторически сложившихся институтах и механизмах политической системы, особенностях взаимодействия и конкуренции политических элит, опирающихся на интересы соответствующих социальных групп и обладающих собственными предпочтениями. Это непосредственно относится и к нормативному стандарту, определяющему направление государственной активности в теориях общественных и мериторных благ, концепции мягкого патернализма и теории опекаемых благ.

Если в теории общего благосостояния методологический индивидуализм в комбинации с методологическим субъективизмом являются естественными предпосылками для формирования нормативного стандарта в виде рыночного агрегата индивидуальных

предпочтений, то для теорий общественных и мериторных благ, как и для концепции мягкого патернализма, использующих модель поведения индивидуумов с множественностью «Я», ситуация выглядит совершенно иной (табл. 3).

Таблица 3. Сравнительная методология ряда экономических теорий

	Теория благосостояния	Теория общественных товаров	Теория мериторных благ	Концепция мягкого патернализма	Теория опекаемых благ
Предпочтения индивидуумов	Методологический субъективизм	Ложные сигналы	Искаженные сигналы	Искаженные сигналы	Методологический субъективизм
		Истинные предпочтения	Истинные Предпочтения	Истинные предпочтения	
Методологический индивидуализм / Методологический релятивизм	Методологический индивидуализм	Латентный релятивизм	Латентный Релятивизм	Латентный релятивизм	Методологический релятивизм
Нормативный стандарт	Выявленные предпочтения	Предпочтения самуэльсоновского «эксперта по этике»	Ценностные суждения	Ценностные суждения	Нормативные предпочтения общества

Постулируемые в этих теориях «истинные предпочтения» — суть нормативный стандарт, формируются, как было показано раньше, внешним источником оценки. Иначе говоря, такие нормативно правильные, предпочтения со всей очевидностью конфликтуют с методологическим индивидуализмом. И лишь отказ (по Блаугу) от строгой формы индивидуализма позволяет в этих теориях определять нормативный стандарт, исходя из ценностных суждений о том, «как должно быть». И хотя непонятно, каким образом появляется это знание, можно сделать вывод, что декларируя приверженность методологическому индивидуализму и одновременно нарушая данный канон, представители этих теорий демонстрируют *латентно* присутствующий им релятивизм.

В теории опекаемых благ, аксиоматика которой использует комбинацию методологического субъективизма и методологического релятивизма, нормативный стандарт определяется на основе нормативного интереса общества в форме его предпочтений как

автономного субъекта рынка. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Таким образом, речь идет о двух параллельных процессах, о рыночной и политической ветвях. При этом включение в анализ *двух ветвей* формирования общественного интереса требует пересмотра еще одной предпосылки экономической теории.

ПРИНЦИП ГЕТЕРОГЕННОСТИ

Обсуждая поставленный в начале главы вопрос о природе и механизмах формирования интересов социальной целостности в теории опекаемых благ, согласимся с В. Полтеровичем, который подчеркивает, что дело не только в признании самого факта их существования, но и в конкретном описании политической системы, формирующей и актуализирующей эти несводимые интересы²². Вполне вероятно, что недосказанность по данному вопросу породила известное недопонимание некоторых наших коллег.

Дело в том, что если мы рассматриваем политическую ветвь формирования нормативных интересов общества, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании общественного интереса, выявляемого рыночным механизмом, то это не означает, что нормативные интересы определяет какой-то мистический орган или иная абстракция. Конечно, нет. Как и в случае с рыночной ветвью общественного интереса, так и при формировании нормативного интереса общества участвуют конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и существующими институтами. Проблема в другом: это одни и те же люди или разные группы индивидуумов; это одни и те же институты или разные институциональные среды, имманентные каждой из двух ветвей формирования общественных интересов.

22. Подробное изложение позиции В. Полтеровича, высказанной во время наших личных бесед, содержится в книге: *(Рубинштейн (2010, с. 111–116))*.

А вот здесь начинается содержательный анализ, требующий возвращения к исходным предпосылкам. Одной из них является стандартная аксиома однородности экономических агентов и их предпочтений, вызывающая сомнения у многих исследователей. Прочитируем в связи с этим Д. Дози: «...было бы проще, если бы мы могли оправдано представить настоящее «общее равновесие» (в котором много агентов, неоднородных, хотя бы в своих первоначальных запасах и предпочтениях) в «сжатом виде» в качестве репрезентативного агента. Но фактически *сделать это невозможно*. Если же мы, несмотря ни на что, это делаем, значит, мы просто *предполагаем проблему координации решенной по построению*» (Дози (2012, с. 35)). И хотя положение о неоднородности агентов имеет почти полувековую историю²³, в основной экономической литературе исследования на эту тему стали появляться сравнительно в недавнее время.

После работ нобелевского лауреата Джеймса Хекмана, продемонстрировавшего возможности улучшения политики государства в предположении, что оно действует в обществе с гетерогенными агентами и социальными группами с противоположными интересами, предпосылка неоднородности стала рассматриваться как более адекватный методологический принцип (Heckman (2001a, 2001b)). В значительной степени данный вывод подтверждают результаты экспериментов (Fehr, Gächter (2000), Webley et al. (2001), Fischbacher et al. (2001), Andreoni, Miller (2002), Goeree et al. (2002)).

Обращает на себя внимание и исследование П. Ореховского, посвященное анализу аксиомы однородности применительно к экономическим агентам, потребительским предпочтениям, производственным функциям и общественному выбору, в котором он продемонстрировал очевидную удаленность «данной предпосылки от современной экономической действительности» (Ореховский (2013, с. 31)). По существу, мы сталкиваемся здесь с такой же ситуацией, которую наблюдали выше, анализируя принцип рацио-

23. Кроме исследований, посвященных критике моделей общего равновесия с «репрезентативным агентом», назовем работы в области экономической и социальной психологии. Например: (Kelley, Stabeliski (1970), Johnson, Nobrem-Hebeisen (1979), Andreoni (1995), Offerman et al. (1996), Burlando, Hey (1997), Burlando, Webley (1999)).

нального поведения, толчком к критической оценке которого стали эмпирические исследования поведенческих экономистов.

И в данном случае упомянутые выше эксперименты, как и конкретные исследования социологов и политологов, многократно фиксировали наличие социальных групп, интересы которых и поведение их членов существенно отличаются друг от друга. На этот почти банальный факт собственно, и указывает П. Ореховский: «Политический (да и социологический) анализ исходит из того, что интересы различных групп могут быть противоположны: одни заинтересованы в прогрессивном налогообложении, другие — в «плоской шкале», одни требуют свободной продажи и возможности ношения оружия, другие — категорически против. Это не просто «различные предпочтения», это — различные цели и ценности» (Ореховский (2013, с. 19–20)). Справедливым является и общий вывод: важнейшая для основного русла теории предпосылка однородности предпочтений в комбинации с методологическим индивидуализмом, как и рассмотренный выше принцип рационального поведения, страдают одним недугом — «отрывом от реальности».

С учетом этого вывода имеет смысл рассмотреть, как данный вопрос решается в анализируемых теориях общественного благосостояния, общественных и мериторных благ, концепции либертарианского, или мягкого, патернализма. Понятно, что определенная целостность и самодостаточность теории благосостояния, рассматривающей нерациональное поведение индивидуумов только в ряду изъянов рынка и провалов государства, не требует ни двоемыслия, ни нормативного стандарта, ни двух ветвей формирования общественного интереса. Условие гомогенности экономических агентов и их предпочтений в комбинации с методологическим индивидуализмом и принципом рациональности обеспечивает построение моделей равновесия с оптимальным распределением ресурсов и максимально возможной реализацией общественного благосостояния. При этом, как и раньше, надо констатировать, что данная теория не дает объяснений многим эмпирическим фактам, которые выявили эксперименты поведенческих экономистов.

Анализ теории общественных товаров, в которой нормативный стандарт определяет самуэльсоновский «эксперт по этике»,

находящийся, по воле самого Самуэльсона, вне экономики²⁴, позволяет утверждать, что в неявном виде и здесь используется (хотя и не вполне стандартное) условие гетерогенности. Это непосредственно следует из того, что «эксперт по этике» и индивидуумы, потребляющие общественные товары, в данной теории являются различными экономическими агентами, обладающими неодинаковыми предпочтениями. И хотя П. Самуэльсон ничего не говорил о предпосылке гетерогенности и, наоборот, по умолчанию пользовался условием гомогенности совокупности потребителей общественных товаров и их предпочтений, сам факт существования «эксперта по этике» заставляет думать о неоднородности экономических агентов.

Что же касается мериторики и концепции мягкого патернализма, то и здесь, судя по всему, мы сталкиваемся с таким же, как и в теории общественных товаров, использованием по умолчанию условия гетерогенности. Дело в том, что и мериторный, и либертарианский патернализм предполагает вмешательство государства в предпочтения индивидуумов. Иначе говоря, как бы ни был определен нормативный стандарт, при любых способах выявления истинных предпочтений, в обеих концепциях допускается, а точнее говоря, считается необходимым подталкивание индивидуумов, причем со стороны внешнего субъекта, к принятию «правильных решений».

Поэтому и в данном случае де-факто используется посылка гетерогенности, позволяющая разделить все множество экономических агентов на две однородные группы, обладающие различными предпочтениями. В этом смысле и теория общественных товаров, и мериторика, и концепция либертарианского, или мягкого, патернализма являются частными случаями теории опекаемых благ, где принцип гетерогенности, сформулированный в явном виде, принадлежит к ее основным методологическим положениям.

Можно утверждать также, что в соответствии с теорией опекаемых благ интересы, генерируемые политической ветвью, в принципе неадекватны интересам, формируемым рыночной средой, и их невозможно определить в терминах рыночных предпочтений. У подавляющего большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют.

24. Подчеркнем, что П. Самуэльсон решения «эксперта по этике» выносил за пределы экономики и полагал, что они не являются экономической задачей (Самуэльсон (2004, с. 375)).

И лишь статистически незначимая часть общества — те, кого Платон называл «философами» (*Платон (1971, Т. 3, с. 275)*), Масгрейв относил к «информированной группе людей» (*Musgrave (1969, s. 16)*), а Шмидт — к «политикам» (*Schmidt (1988, s. 384)*), способны осознать эти интересы. Наличие этой особой группы людей, обеспечивающих их артикуляцию, требует смягчения избыточно жесткой предпосылки однородности экономических агентов и их предпочтений.

Допуская же гетерогенность экономических субъектов, можно предположить существование, по крайней мере, двух основных групп — «индивидуумов», генерирующих общественный интерес посредством рыночного механизма, и «политиков», кому остальная часть населения доверила заботиться об общем благосостоянии²⁵. К этому добавим весьма важный тезис Ч. Тейлора: «Живя в обществе и, тем более, изучая его работу, необходимо принимать во внимание и такие феномены, которые не являются людьми или их комбинациями: роли, обязанности, статусы, правила, законы, обычаи» (*Тейлор (2001, с. 7–8)*). Поэтому, если и можно говорить об участии остальных граждан в формировании интересов общества, формируемого в политической среде, то очень опосредованно, имея в виду политические институты и механизмы передачи политикам в траст мнения избирателей.

Рассматривая в теории опекаемых благ политическую ветвь формирования общественного интереса и «политиков», генерирующих нормативные установки общества и соответствующий нормативный стандарт, следует иметь в виду принципиальное «другое поведение» этой группы экономических агентов в отношении совершенно «других событий»²⁶. Поясним, что мы имеем в виду, говоря о «политиках», «других событиях» и «другом поведении».

-
25. В известном эксперименте с общественными товарами предполагается, в частности, существование «трех типов игроков: безбилетники, кооператоры и манипуляторы» (*Burlando, Guala (2005, P. 35)*). Приведем еще один пример. Ссылаясь на работу Дарона Асемоглу (*Acemoglu (2007)*), в которой исследуются вопросы «живучести неэффективных хозяйственных и политических институтов», А. Радыгин и Р. Энтов указывают на то, что в использованных моделях рассматриваются другие три группы игроков «... 1) представители некоторой абстрактной «элиты» (по-видимому, группа представителей властной политической элиты); 2) средний класс, пытающийся противостоять «элите»; 3) наемные работники» (*Радыгин, Энтов (2012, с. 17)*).
26. В своих прежних работах один из авторов использовал понятия «другие люди» с «другим поведением» в отношении «других событий» (*Рубинштейн (2011, 2012)*). Следуя принципу гетерогенности, понятие «другие люди» можно заменить более адекватной категорией — «политики», предпочтения которых отличаются от предпочтений индивидуумов.

В предисловии к англоязычному переводу издания книги Кнута Викселя «Исследование по теории финансов» Джеймс Бьюкенен призвал «коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности» (Бьюкенен (1997, с. 18)). Следуя данной методологической установке и для целей анализа формирования нормативных общественных интересов, мы рассматриваем достаточно простую модель парламентской демократии. Речь идет о демократически устроенном обществе и его институтах, включая систему демократических выборов и сам парламент, члены которого на основе установленной процедуры определяют нормативные интересы общества и их текущие приоритеты²⁷.

Исходя из такой общей модели «политического устройства», нетрудно понять, что разговор о совпадении двух множеств индивидуумов, действующих в рыночной и политической средах, возможен лишь при замене парламентской процедуры референдумом. С учетом же того, что сам по себе референдум является крайне редким исключением из стандартной гражданской практики, можно предположить, что в текущем дискурсе формирование нормативных интересов общества обусловлено поведением исключительно политиков, принадлежащих определенным политическим партиям и общественным движениям, представляющих интересы различных социальных групп. Без ограничения общности модели Бьюкенена и в целях данного исследования можно общую совокупность политиков сузить до членов демократически избранного парламента.

Кроме того, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций своей собственной выгоды²⁸, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь, действительно, идет о «других событиях». Например, если в рыночной

27. В данной работе мы не рассматриваем саму систему политических выборов, вопросы их организации, честности, справедливости и прозрачности, которые являются самостоятельной темой исследования, имеющей богатую литературу. При этом нельзя не отметить, что поведение политиков очень сильно связано с системой выборов, что, безусловно, надо иметь в виду в последующем анализе.

28. Вслед за Марголисом мы также готовы к расширению границ смитсианского своекорыстия, причем столь далеко, что альтруизм превращается в составляющую рационального поведения (Margolis (1982, P. 17)). Замечу, однако, что в этой постановке альтруистические интересы индивидуумов улавливает рыночная ветвь формирования общественных предпочтений.

среде индивидуум решает вопрос о том, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде перед членами парламента встает иная альтернатива: надо ли поддержать приобщение населения к театральному искусству или для общества важнее потребление населением фруктов. Понятно, что идентичность указанных альтернатив также возможна лишь в случае проведения всенародных референдумов в отношении потребления каждого блага. Поэтому и здесь можно считать, что в политическом процессе формирования общественных интересов рассматриваются, как правило, *«другие события»*.

И наконец, представляется целесообразным рассматривать *«другое поведение»*, потому что в отличие от индивидуумов предпочтения *«политиков»*, действующих от имени общества, обусловлены в основном не личными, а общественными средствами. И сколько бы ни говорить о возможной самоидентификации выбранных людей с обществом, от имени которого они формируют нормативный стандарт и принимают соответствующие решения, все равно это далеко не то же самое, когда за потребляемое благо индивидуум расплачивается отказом от личного потребления других товаров и услуг. На возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для людей, принимающих решения о направлениях государственных расходов, по отношению к их собственным средствам, указывают многие исследования²⁹. В этом смысле даже референдум не может исправить генетический порок общественных средств³⁰, которые, собственно, и порождают другую мотивацию и соответствующие особенности поведения политиков — *«другое поведение»*.

Столь пространные объяснения потребовались нам для того, чтобы еще раз разъяснить механизмы формирования нормативных интересов общества — одно из важнейших положений теории опекаемых благ. Воспользовавшись принципом гетерогенности и объяснив на этой основе *«другое поведение»* *«политиков»*, мы стремились показать, что в предложенной модели с двумя ветвями

29. Отметим, что конец двадцатого столетия оказался переполнен упоминаниями о *«рентоищущем классе»*, *«политическом доходе»*, *«бюрократической ренте»*, *«логроллинге»* и т.п.

30. Многие авторы отмечают, что бюджетные средства распределяются на финансирование общественных товаров и ренту, которую присваивают политические и экономические элиты. Поэтому в очень большой степени поведение политиков определяется стремлением сохранить и даже увеличить эту ренту. В указанных обстоятельствах поведение индивидуумов и политиков, имеющих различную мотивацию, отождествлять невозможно.

формирования интересов социума в общем случае нет места двойственности предпочтений одних и тех же индивидуумов. Речь идет о двух совокупностях людей, о принципиально разных общественных интересах, выявляемых в рыночной и политической средах, о несводимости их друг к другу (табл. 4).

Таблица 4. Принцип однородности в методологии ряда экономических теорий

	Теория благосостояния	Теория общественных товаров	Теория мериторных благ	Концепция мягкого патернализма	Теория опекаемых благ
Гетерогенность / гомогенность	Гомогенность	Гетерогенность «по умолчанию»	Гетерогенность «по умолчанию»	Гетерогенность «по умолчанию»	Гетерогенность
Рыночная ветвь формирования общественного интереса	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений
Политическая ветвь формирования общественного интереса	Отсутствует	Предпочтения «эксперта по этике»	Ценностные суждения об «истинных предпочтениях»	Ценностные суждения об «истинных предпочтениях»	Нормативные предпочтения общества

Исследуя такую категорию, как интерес социальной целостности, нельзя не обратить внимание на имеющиеся различия в природе индивидуальных и групповых интересов. Надо сказать, что эта проблема никогда не пользовалась особой популярностью у экономистов, хотя и ей посвящено определенное количество публикаций³¹. Главным же сюжетом после фундаментальной работы К. Эрроу, посвященной теории общественного выбора (*Arrow (1951)*), стало конструирование общих решений (формирование общественных предпочтений), имеющих, по определению, те же свойства, что и предпочтения индивидуумов. Причем сама эта теория, с ее опорой на методологический индивидуализм и гомогенность экономических агентов, не смогла расширить границы экономического анализа. Исходя из того, что общественный интерес есть лишь агрегат (комбинация) интересов индивидуумов, она, фактически, постулирует их одинаковую *позитивную* природу, остав-

31. Мы имеем в виду публикации, посвященные ценностным установкам общества и их отражению в институциональной теории. См. также: (*Харсаньи (2004)*).

ляя за пределами анализа интересы социальной целостности, имеющие *нормативное содержание*.

Следует заметить также, что непропавшее желание освободить экономическую теорию от ценностных представлений, приблизить ее к математике и сделать позитивной наукой³² привели к тому, что категория нормативных интересов оказалась практически изгнана из экономического анализа: где признается только «строгость и непротиворечивость», нет места нормативным категориям (Кэй (2012, с. 7)). Между тем без нормативных интересов многие процессы объяснить просто невозможно. Поэтому расширение границ традиционной интерпретации интереса группы видится нам весьма важным шагом к построению адекватной экономической методологии. В дополнение к групповому агрегату индивидуальных предпочтений, имеющих, как и интересы индивидуумов, *позитивную* природу, следует добавить предпочтения группы как таковой, природа которых всегда *нормативная*. К этому добавим, нормативный характер интереса социальной группы в целом — это не гипотеза и не постулат. Вне зависимости от механизмов формирования такого интереса — будь то персональное решение лидера группы, или выбор некоторой коалиции единомышленников (партии), или голосование всех членов группы, он всегда определяется в форме ценностных суждений.

Обсуждая проблемы методологии теории опекаемых благ, включая наличие нормативного интереса общества и уподобляя государство рыночному субъекту, реализующему этот интерес, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект «...наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения» (Boudon (1979)). Таким образом, ясным и вполне выполнимым требованием к государству—субъекту рынка является наличие некой институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества. В сущности, речь идет еще об одном аспекте рассматриваемой методологии — о политическом устройстве государства и институтах гражданского общества, обеспечивающих возможность коллективных решений.

32. Речь идет о знаменитой дискуссии на собрании совета «Союз социальной политики» в Вене в 1909 г. и доктрине Вебера—Зомббарта «свободной от ценностных суждений общественной науки» (*Wertfreiheit*), сохраняющей и сегодня своих сторонников.

НОРМАТИВНЫЙ СТАНДАРТ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В целом ядро КЭС и теории опекаемых благ определяет феномен «несводимых потребностей» и релятивистская философия, обусловившая переход от методологического индивидуализма к более мягкому принципу комплементарности индивидуальной и социальной полезности, допускающему существование групповых предпочтений наряду с предпочтениями индивидуумов. Повторим, речь идет о рыночной и политической ветвях формирования общественных интересов.

Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая — отражает процесс зарождения, распространения и актуализации нормативных интересов общества посредством институтов политической системы. При этом нормативные интересы в меру *развитости* общества и его политической системы впитывают в себя весь спектр предпочтений, отражающих социально одобряемые ценности и этические нормы, идеи справедливости и целесообразности, иные социальные и экономические установки, присутствующие в программах политических партий и общественных движений, выступающих от имени различных социальных групп. Иначе говоря, в область нормативных интересов, генерируемых политической ветвью, попадают те ценностные суждения, которые Самуэльсон в «Чистой теории общественных расходов» предписывал своему «эксперту по этике» (*Samuelson (1954)*), а представители мериторики и мягкого патернализма назвали «истинными предпочтениями» (*Musgrave (1957, 1994)*, *Brennan, Lomasky (1983)*, *Tietzel, Muller (1998)*, *Thaler, Sunstein (2003, 2009)*). Но оговорюсь еще раз, мера адекватности этих нор-

мативных интересов обусловлена *развитостью* самого общества и его политической системы.

Формируемые в различных институциональных средах, соответствующих рыночной и политической ветви, эти интересы *не сводимы* друг к другу, но *дополняют* друг друга. И в этом смысле государственная активность, направленная на реализацию интересов общества как такового (в простейшем случае на устранение изъянов рынка), теоретически улучшающая экономическое положение, влияет и на политическую ситуацию. Причем это влияние, как показали Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон, может оказаться деструктивным, способствуя в итоге формированию неэффективной экономики (Асемоглу, Робинсон (2013, с. 17–19)). Верным является и общее положение о несостоятельности «прекраснодушного» и широко распространенного тезиса о том, что «хорошая экономика и есть хорошая политика» (Норт, Уоллис, Вайнгаст (2011)). Для серьезного «... анализа экономической политики необходима другая понятийная сетка, явным образом основная на политической экономике. Многие концептуальные, теоретические и эмпирические основания такой системы понятий остаются предметом будущих исследований» (Асемоглу, Робинсон (2013, с. 25)).

Обсуждение именно этого вопроса, который лишь по касательной затронут в теориях общественного выбора и новой политэкономии, большинстве социологических и политологических концепций (Drazen (2000), Persson, Tabellini (2000), Acemoglu, Robinson (2006), Асемоглу, Робинсон (2013)), — один из главных сюжетов теории опекаемых благ. Дело в том, что кроме признания самого факта необходимости государственной активности, направленной на достижение нормативных интересов общества, и анализа ее политических последствий, нужно понять, как формируются эти целевые установки и насколько они отражают реальные общественные предпочтения. Мы исходим из довольно распространенной точки зрения о том, что истинный интерес общества всегда отличается от общественного выбора, реализуемого с помощью парламентской процедуры³³.

33. Опираясь на исследования Чикагского университета (Posner (1974), Peltzman (1976), Becker (1983)), Жан Жак Лаффон обращает внимание и на «эмпирическую нерелевантность» подхода к общественной политике с позиций общественного интереса» (Лаффон (2007, с. 23)).

Подчеркнем, что коллективные решения и сами нормативные интересы, генерируемые политической ветвью, имеет смысл рассматривать как результат дискурса, детерминированного мерой развитости гражданского общества, сложившимися институтами, интересами политических и экономических элит, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от реальных общественных потребностей (*Amsden, DiCaprio, Robinson (2012)*). Можно согласиться и с тем, что «политический процесс обладает собственной логикой, во многих случаях не совпадающей с привычной логикой оптимизирующих экономических механизмов» (*Радыгин, Энтов (2012, с. 26)*).

Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать сама политическая система, т. е. совокупность действующих институтов и индивидуумов, включая парламент с его властными полномочиями. Именно эти интересы, вне зависимости от их приближения к реальным потребностям социума, становятся, *по определению*, нормативными интересами общества, порождая некоторый произвол коллективных решений.

Повторим, что в рамках данной работы мы исходим из бюкененской модели политического устройства, допуская при этом *наличие парламентской партии (коалиции), обладающей абсолютным большинством голосов*, и способных провести через голосование практически любые решения, отвечающие интересам этой партии (коалиции)³⁴. И дело не только в том, насколько представителен сам парламент и как организована его работа. Важной составляющей является сама процедура принятия решений и те методологические принципы, которые лежат в ее основе.

Надо сказать, что здесь известно много подходов и есть обширная литература, в которой подробно рассмотрены различные аспекты принятия коллективных решений. Их общей чертой является взгляд на парламент как на совокупность индивидуумов-поли-

34. Данный феномен особенно характерен для стран с невысоким уровнем развития гражданского общества, демократических институтов и политической культуры (*Полтерович (2002), Полтерович, Попов (2007), Полтерович, Попов, Тонис (2008), Хиллман (2009)*). По мере демократизации политической системы процесс принятия решений постепенно перемещается в область формирования компромиссов, предваряющих процедуры голосования.

тиков, участвующих в выработке решений путем различных вариантов голосования (принцип единогласия, квалифицированного или простого большинства). При этом структура парламента и наличие в нем небольших фракций, сформированных оппозиционными партиями, оказывает воздействие лишь на процесс обсуждения, предваряющий голосование, и практически не влияет на его результаты. Иначе говоря, в подавляющем числе случаев парламент рассматривается в качестве единой группы политиков, определяющей нормативные интересы общества, соответствующие большинству голосов депутатов.

Следует подчеркнуть также, что если в недавнем прошлом доминировала концепция «благожелательного государства», активность которого направлена на реализацию общественных интересов, то во второй половине двадцатого столетия все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит (*Stigler (1971)*). И, «несмотря на доминирование в экономике взгляда на общественный интерес как на решающий при выборе пути развития, “интервенция” теории групп интересов, делающей особый акцент на их влияние в формировании политических решений, продолжает расширяться» (*Лаффон (2007 (с. 23))*). Анализируя эту тенденцию, Лаффон рассматривает «аутентичного советника» правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации» (*Лаффон (2007, с. 22)*).

В посткоммунистической России данный процесс проявляется особенно зримо: «...между обществом и элитами сохранился значительный конфликт интересов, следствием которого и стал наблюдаемый в настоящее время дефицит институтов — общественных благ, обслуживающих все общество, а не только его привилегированную часть» (*Полищук (2013, с. 41)*). Но было бы ошибочным думать о наличии единственно возможного выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социально-экономические установки и целевые ориентиры парламентского большинства. Так или иначе, но общество всегда сталкивается с некоторым произволом в определении нормативного интереса.

С намерением уменьшить произвол в теории опекаемых благ сформулирован альтернативный подход, использующий предпосылку гетерогенности. В соответствии с ней парламент в общем случае рассматривается как совокупность «аутентичных советников» крупных и мелких политических партий, представляющих интересы соответствующих групп избирателей. Следствием такой трактовки является вывод о том, что результаты парламентского голосования (простое, а в некоторых случаях и квалифицированное, большинство) могут порождать решения, *нерелевантные* реальным потребностям общества, игнорирующие предпочтения небольших партий, а вместе с ними интересы многих миллионов их избирателей.

Относится это к любым процедурам «коллективных решений», о которых писал Р. Будон. Решения властного большинства не учитывают, как правило, интересы других парламентских партий. Поэтому для приближения общественного выбора к реальным общественным потребностям необходимо развивать институты гражданского общества, предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации нормативных интересов общества.

Остановимся теперь на политологических аспектах теории опекаемых благ. В рамках этой междисциплинарной теории содержатся рекомендации, направленные на ограничение монопольной власти парламентского большинства и развитие института политической конкуренции. Речь идет о механизмах демократизации политических и экономических решений, о принципе сдержек и противовесов, который особенно важен для успешного функционирования парламентской системы. Если политическая ветвь не использует данный принцип, то монополизация процесса принятия решений партией власти или соответствующей партийной коалицией становится неизбежной.

В данном контексте принцип единогласия, трансформирующий проблему голосования в поиск компромисса еще на стадии обсуждения законопроектов, является абсолютным решением проблемы неоднородности парламента, состоящего из представителей партий с разными интересами и политическими программами. Однако в этом, крайнем, случае принятие многих парламентских решений оказалось бы заблокированным. Другую возможность

смягчения парламентской неоднородности продемонстрировал Европейский союз, в процессе расширения которого происходила настоящая эволюция системы голосования — область применения принципа единогласия постепенно сужалась и замещалась процедурой предоставления малым странам непропорционально большего числа голосов (Зеленов (2005), Зуев (2008)).

По всей видимости, подобная система голосования, в соответствии с которой членам оппозиционных партий, не входящим в правящую коалицию, предоставляются дополнительные голоса, может оказаться эффективной и для парламентов отдельных стран, где необходимость учитывать интересы таких партий заставляет прибегать к принципу защиты меньшинства. Исходя из этого же принципа, в Теории опекаемых благ предложена иная процедура парламентского голосования, основанная на институте 20%-ного вето. Речь идет о том, что для принятия большинства федеральных законов, отвечающих нормативным интересам общества, необходимо одобрение законопроектов не менее 80% депутатов Государственной думы.

Принципиальным положением Теории опекаемых благ является введение еще одного института гражданского общества, наделяющего определенными правами оппозиционные партии в области реализации общественных интересов и, в частности, в процессе формирования и утверждения государственного бюджета. В частности, предложена процедура «нулевого чтения», охватывающего не более 85% государственных расходов, но в которой участвуют представители всех думских партий. В последующих двух чтениях (первого и второго) оппозиционным парламентским партиям предоставляется исключительное право дополнять расходы бюджета (оставшиеся 15%), направляя указанные средства на реализацию интересов социальных групп, представленных этими партиями, действующими от имени многих миллионов их избирателей.

В качестве третьей составляющей развития гражданского общества может быть предложен институт прямого участия граждан в распределении бюджетных средств (институт бюджетных назначений). Возможность свободного выбора приоритетных направлений расходования, хотя бы небольшой (в пределах 2%) части уплачиваемого налога, реализует право налогоплательщиков

самостоятельно решать, какие интересы имеют для них наибольшее значение.

В упрощенной форме этот институт гражданского общества уже используется рядом европейских стран в форме «процентной филантропии» (*percentage philanthropy*). Законодательные новации начала XIX — середины XX в., относящиеся к католической церкви, способствовали созданию новой модели финансовой поддержки социально значимых видов деятельности (*Allen (1999)*). Так, в результате принятия в 1996 году в Венгрии специального закона граждане этой страны получили право требовать от налогового органа перечисления 1% уплачиваемого подоходного налога в пользу соответствующих организаций культуры. Последующие институциональные реформы 2006–2007 гг. в Евросоюзе позволили гражданам некоторых стран выбирать, на какие общественно-полезные цели отчислять от 1 до 2% своего подоходного налога (*Fazekas (2000)*, *Vullain (2004)*, *Kuti, Vajda (2000)*, *Кнай, Соборников, Тисленко (2010)*, *Рубинштейн (2010)*, *Хаунина (2012, 2013)*).

Сравнивая институт бюджетных назначений с процентной филантропией, следует отметить наличие качественных отличий между ними. И дело не только в том, что этот институт является более общим. Главное отличие обусловлено их содержанием и целевой направленностью. Если в процентной филантропии основной акцент сделан на благотворительности, то содержательной доминантой института бюджетных назначений является прямое участие граждан в распределении бюджетных средств. Именно этот институт гражданского общества позволяет хотя бы частично компенсировать всегда существующие «парламентские ошибки», возникающие в процессе определения нормативных интересов и соответствующем распределении бюджетных средств.

Отметим в связи с этим, что многие авторы подчеркивают, «...в первую очередь доходы бюджета распределяются между финансированием общественных благ и рентой, которая присваивается правящим классом (*Persson, Tabellini (2000)*). Такого рода решения зависят от того, до какой степени власть подотчетна обществу в своих действиях» (*Полищук (2013, с. 53)*). Но даже в случаях развитой демократии, когда присвоение ренты не является целью экономических и политических элит, когда ее масштабы ограничены, парла-

ментские ошибки остаются, сохраняя актуальность прямого участия граждан в распределении бюджетных средств. Следует подчеркнуть также, что адекватное соотношение между частями бюджета, которые распределяют политики и граждане, зависит от того, насколько предпочтения элит совпадают с потребностями общества.

Можно обсуждать конкретные цифры предлагаемых правил, уточняя их в ходе эмпирических исследований. Главным же остается вывод о том, что устойчивый экономический рост невозможен без систематической государственной активности, направленной на реализацию интересов общества как такового. Определение же этих внерыночных интересов, тактических и стратегических целей развития страны нуждается в модернизации существующей парламентской демократии, в том числе в наделении оппозиционных партий необходимыми политическими и экономическими правами, обеспечивающими ослабление монополии правящей партии и усиление политической конкуренции, в развитии институтов прямого участия граждан в распределении налоговых доходов государства.

Опираясь на этот вывод, следует разобраться и в том, как данный вопрос решается в анализируемых теориях общественного благосостояния, общественных и мериторных благ, концепции либертарианского, или мягкого патернализма (табл. 5).

Таблица 5. Институты демократизации формирования нормативного стандарта

	Теория благосостояния	Теория общественных товаров	Теория мериторных благ	Концепция мягкого патернализма	Теория опекаемых благ
Процедура парламентского голосования	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Институт 20%-ного вето
Права оппозиционных партий	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Институт «нулевого чтения»
Участие граждан в распределении бюджетных средств	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует	Институт бюджетных назначений

Очевидно, что в теории общественного благосостояния, фактически абстрагирующейся от государственной активности, этот сюжет отсутствует, а вместе с ним из поля зрения исследо-

вателей выпадают и институциональные аспекты формирования нормативного стандарта. Что же касается теорий общественных и мериторных благ, концепции либертарианского патернализма, где государственная активность присутствует в явном виде, а нормативный стандарт — в латентной форме, вопрос о формировании нормативных интересов общества остается за кадром. Кроме упоминаний об эксперте по этике и неких истинных предпочтениях, эти теоретические конструкции не дают представлений об институтах и механизмах выработки нормативного стандарта.

* * *

Сравнительный анализ методологии рассмотренных теоретических построений позволяет сформулировать, общие выводы исследования.

Во-первых, можно утверждать, что в фундаменте теории опекаемых благ лежат три основные предпосылки: методологический субъективизм, методологический релятивизм и принцип гетерогенности. Они интерпретированы в этой теории в виде предположения о том, что каждый человек в меру своего понимания, опираясь на собственные ценности, действует в предлагаемых обстоятельствах субъективно оптимально; в виде принципа комплементарности полезностей, в соответствии с которым допускается наличие группового интереса наряду с индивидуальными интересами членов группы; в виде существования двух, не сводимых другу к другу, ветвей формирования общественного интереса, рыночной и политической (табл. 6).

Во-вторых, анализ основных предпосылок теории общественных и мериторных благ, концепции либертарианского патернализма позволяет предположить, что с точки зрения методологии эти теоретические построения являются частными случаями теории опекаемых благ³⁵. В пользу данной гипотезы говорит прямое сопо-

35. В данном контексте предлагаю обратить внимание на исследование О. Ананьина «Онтологические предпосылки экономических теорий» (Ананьин (2013)). В этом докладе, представленном на семинаре «Теоретическая экономика», он пишет, в частности: «...в корпусе экономического знания выделялись научно-исследовательские программы, для каждой из которых идентифицировались их «жесткие ядра», а фактически — онтологии: неопровержимые в рамках исследовательской программы наборы базовых предпосылок» (Ананьин (2013, с. 18)). В аннотации к докладу такие онтологии автор называет частными.

Таблица 6. Основные предпосылки и их следствия в ряде экономических теорий

	Теория благосостояния	Теория общественных товаров	Теория мериторных благ	Концепция мягкого патернализма	Теория опекаемых благ
Методологический субъективизм / принцип множественности «я»	Принцип рациональности	Принцип множественности «я»	Принцип множественности «я»	Принцип множественности «я»	Методологический субъективизм
Методологический релятивизм / методологический индивидуализм	Методологический индивидуализм	Латентный релятивизм	Латентный релятивизм	Латентный релятивизм	Методологический релятивизм
Гетерогенность / гомогенность.	Гомогенность	Гетерогенность «по умолчанию»	Гетерогенность «по умолчанию»	Гетерогенность «по умолчанию»	Гетерогенность
Рыночная ветвь формирования общественного интереса	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений	Рыночный агрегат индивидуальных предпочтений
Политическая ветвь формирования общественного интереса	Отсутствует	Предпочтения «эксперта го этике»	Ценностные суждения об «истинных предпочтениях»	Ценностные суждения об «истинных предпочтениях»	Нормативные предпочтения общества
Мотивация государственного вмешательства	Исправление «провалов рынка»	Определение объема общественных товаров	Подталкивание к реализации «истинных предпочтений»	Подталкивание к реализации «истинных предпочтений»	Реализация нормативного интереса общества

ставление используемых исходных предпосылок. Можно заметить, в частности, что кроме принципа методологического субъективизма, все остальные исходные предпосылки и вытекающие из них следствия с точностью до общей формулировки являются одинаковыми во всех сравниваемых теоретических построениях. Более того, как показал предыдущий анализ, использование принципа множественности «Я», собственно, и приводит к некоторой размытости других исходных предпосылок и порожденных ими следствий в теории общественных и мериторных благ, в концепции либертарианского, или мягкого, патернализма. Осталось сказать, что и сам принцип множественности «Я» можно рассматривать как частный случай методологического субъективизма. Дело в том, что в модели с мно-

жественностью «Я» также предполагается, что каждый из них действует субъективно оптимально.

В-третьих, нетрудно заметить, что, по крайней мере, в трех своих предпосылках теория опекаемых благ близка эволюционной парадигме, в соответствии с которой экономические явления рассматриваются «как результаты неравновесных взаимодействий ограниченно рациональных, разнородных агентов с эндогенными предпочтениями... с собственным пониманием окружающего мира и доступными им моделями поведения» (*Дози (2012, с. 31, 40)*)³⁶.

В-четвертых, расширение границ экономического анализа в результате ослабления слишком жестких предпосылок неоклассической теории и замены аксиом рациональности, методологического индивидуализма и гомогенности более общей онтологией, ядро которой составляют методологический субъективизм, методологический релятивизм и принцип гетерогенности, позволяет саму теорию опекаемых благ рассматривать как нормативную теорию общественного благосостояния.

В-пятых, ключом к этим результатам послужили категории нормативного интереса и социальной полезности, определившие новую трактовку государственной активности: на место нежелательного для неоклассики вмешательства государства приходит равноправное участие государства в хозяйственной жизни общества, а вместо демонизируемого бюджетного бремени — обусловленные общественным выбором государственные расходы, направленные на реализацию нормативных интересов общества.

В-шестых, для приближения общественного выбора к реальным общественным интересам необходимо создавать и развивать институты гражданского общества, ограничивающие монопольную власть парламентского большинства, обеспечивающие развитие политической конкуренции и демократизацию принимаемых политических и экономических решений, предусматривающие участие оппозиционных партий, несистемной оппозиции и отдельных граждан в формировании и реализации интересов общества.

36. Об исследовательской программе эволюционистов см. также: (*Dosi, Orsenigo (1988)*, *Dosi, Nelson (1994)*, *Нельсон, Уинтер (2002)*, *Dosi et al (2005)*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической теории и других социальных науках. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 1998.
2. Автономов В.С. Абстракция — мать порядка? // Вопросы экономики, 2013. №4.
3. Ананьин О.И. Онтологические предпосылки экономических теорий. М.: Институт экономики РАН, 2013.
4. Асемоглу Д., Робинсон Дж. Политика или экономика? Ловушки стандартных решений // Вопросы экономики. 2013. №12.
5. Белянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. 2003. №1. С. 4–23.
6. Вольчик В.В. «Затерянный мир» австрийской экономической теории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, №3.
7. Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика / Отв. ред. А. Лебедев, А. Рубинштейн. М., 2011.
8. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М., 2000; Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. М., 2008.
9. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // Вопросы экономики. 2010. №10.
10. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. 2013.
11. Де Сото. Сущность австрийской школы (Лекция). Государственный университет — Высшая школа экономики. Москва 30 октября 2008 г. Де Сото У.Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество (пер. с англ. Б.С. Пинскера под ред. А. В. Куряева). Челябинск: Социум. 2009.
12. Дози Дж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы // Вопросы экономики. 2012. №12.

13. Дэвидсон Д. Исследование истины и интерпретации. М.: Праксис. 2003.
14. Заостровцев А.П. Австрийская школа экономической мысли // Вестник удмуртского университета. 2007. №2.
15. Зеленев Р.Ю. Законодательные процедуры Европейского союза: эволюция полномочий Европейского парламента // Государство и право 2005. №1.
16. Зуев В.Н. Механизмы принятия решений в ЕС – универсальный инструмент примирения интересов // Вестник международных организаций. 2008. №3 (18).
17. Канеман Д., Тверски А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. №4.
18. Кнац Ю., Соборников И., Тисленко Д. (2010). «Процентная филантропия»: о возможности введения в России налога на содержание некоммерческих организации.
19. Коландер Д. Революционное значение сложности и будущее экономической науки // Вопросы экономики. 2009. №1.
20. Лаффон Ж.-Ж. Стимулы и политэкономия (пер. с англ.). М., 2007.
21. Лецак О.В. Очерки по функциональному прагматизму: Методология – онтология – эпистемология. Тернополь-Кельце: Підручники & посібники, 2002.
22. Либман А.М. Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. М., 2007.
23. Либман А.М. Политико-экономические исследования и современная экономическая теория. М., 2008.
24. Либман А.М. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 27–38.
25. Лившиц В.Н. Основы системного мышления и системного анализа. М.: Институт экономики РАН, 2013.
26. Майерсон Р. Равновесие по Нэшу и история экономической науки // Вопросы экономики. 2010. №6.
27. Маршал А. Принципы политической экономии. Т. I. М.: Прогресс, 1983.
28. Масгрейв Р., Масгрейв П. Государственные финансы: теория и практика (Пер. англ.). М.: Бизнес Атлас, 2009.

29. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002.
30. *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* (2011). Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
31. *Ольсевич Ю.Я.* Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). М.: Институт экономики РАН, 2013.
32. *Ореховский П.А.* Посылка однородности экономических агентов: парадоксы теории практики. М.: Институт экономики РАН, 2013.
33. *Павлов И.А.* Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованиям человеческого поведения. М.: Институт экономики РАН, 2007.
34. *Павлов И.А.* Феномен «уклонения от двусмысленности» в теории рационального выбора. М.: Институт экономики РАН, 2011.
35. *Полищук Л.И.* Аутсорсинг институтов // Вопросы экономики, 2013. №9.
36. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России, 1998. №1.
37. *Полтерович В.М.* Политическая культура и трансформационный спад // Экономика и математические методы. 2002. Т. 38. №4.
38. *Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. №2.
39. *Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С.* Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. 2008. Т. 12. №2.
40. *Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа // Общественные науки и современность, 2011. №2.
41. *Радыгин А., Энтов Р.* «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. 2012. №12.
42. *Рубинштейн А.Я.* К теории рынков «опекаемых благ» // Научный доклад на Секции экономики отделения общественных наук РАН. 2008.
43. *Рубинштейн А.Я.* К теории рынков «опекаемых благ». Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. 2009а, №1.

44. Рубинштейн А.Я. К теории рынков «опекаемых благ». Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // *Общественные науки и современность*. 2009б. №2.
45. Рубинштейн А.Я. Мериторика и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // *Вопросы экономики*. 2009с. №11.
46. Рубинштейн А.Я. Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: Экономика, 2010а.
47. Рубинштейн А.Я. Вместо заключения // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2010б. №6.
48. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага: институциональные трансформации // *Вопросы экономики*. №3. 2011.
49. Рубинштейн А.Я. Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // *Общественные науки и современность*. 2012. №6.
50. Рубинштейн А.Я. (2013). Опекаемые блага в оптике сравнительной методологии. М.: ИЭ РАН.
51. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // *THESIS*. 1993. Вып. 3.
52. Самуэльсон П.Э. Чистая теория общественных расходов // *Вехи экономической мысли*. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / Под общ. ред. А.П. Заостровцева. СПб: Экономическая школа. 2004.
53. Сапов Г. Значение австрийской школы экономики, ее эволюция и перспективы (стенограмма) М.: ВШК, 1998 (www.sapov.ru/staroe/si03.html).
54. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Пер. А. Костиковой и Д. Кралечкина). М.: Дом интеллектуальной книги. 2002.
55. Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011.
56. Тамбовцев В.А. Методологический анализ и развитие экономической науки // *Общественные науки и современность*. 2013. №4. С. 42–53.
57. Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 32–44.
58. Урнов М.Ю. Социальный либерализм в России (взгляд политолог) // *Общественные науки и современность*. 2013. №3. С. 30–43.

59. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
60. Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» – проблемы трансплантации успешного института финансовой поддержки культурной деятельности / Культура и рынок. Опекаемые блага. СПб.: Алетейя, 2013.
61. Хаунина Т.А. «Процентная филантропия» – дополнительный финансовый ресурс для организаций социально-культурной сферы // Журнал новой экономической ассоциации. №2(14), 2012.
62. Хиллман А.Л. Государство и экономическая политика. Возможности и ограничения управления. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
63. Хэндс У. Нормативна теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики, 2012. №10.
64. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна М.: Эдиториал УРСС, 2000.
65. Allen J. In Europe 'Church Taxes' Not Unusual, 35 (13) National Catholic Reporter 5 (1999).
66. Andel N. Zum Konzept der meritorischen Guter, Finanzarchiv 42, 1984.
67. Andreoni J. (1995). «Cooperation in public-goods experiments: Kindness or confusion?» American Economic Review. 85, 891–904.
68. Andreoni J., Miller J. (2002). «Giving according to GARP: An experimental test of the consistency of preferences for altruism». Econometrica. 70, 737–753.
69. Becker G. A Theory of Competition Among Pressure Groups for Political Influence // Quarterly Journal of Economics. 1983. 98.
70. Benabou R. (2002). Tax and education policy in a heterogeneous-agent economy: What levels of redistribution maximize growth and efficiency? Econometrica, 70(2). С. 481–517.
71. Boudon R. La logique du sociale: introduction a l'analyse sociologique. Paris, 1979.
72. Brennan G., Lomasky L. Institutional Aspects of «Merit Goods» Analysis, Finanzarchiv 41, 1983. S. 183–206.
73. Buchanan J.M. Liberty, Market and State, Brighton, 1986. P. 249.

74. *Bullain N.* (2004). Explaining Percentage Philanthropy: Legal Nature, Rationales, Impacts / *The International Journal of Not-for-Profit Law* Volume 7, Issue 1. September.
75. *Burlando R., Hey J.* (1997), Do Anglo-Saxons free-ride more?. *Journal of Public Economics*. Vol. 64. No. 1. P. 41–60.
76. *Burlando R., Webley P.* (1999). «Individual differences in value orientation in the private provision of public goods.» *Inquiries into the Nature and Causes of Behaviour: Proceedings of the XXIV Colloquium of the International Association for Research in Economic Psychology*. 1, Belgirate, Italy, 518–526.
77. *Burlando R.M., Guala F.* Heterogeneous Agents in Public Goods Experiments. *Journal: Experimental Economics*, April 2005. Vol. 8, Issue 1. P. 35–54.
78. *Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M.* (2003), “Regulation for conservatives. Behavioral economics and the case for ‘asymmetric paternalism’”, *University of Pennsylvania Law Review*, 151, 1211–1254.
79. *D’Amico D.* Merit Goods, Paternalism and Responsibility. Pavia. Università, 2009.
80. *Dosi G., Marengo L., Fagiolo G.* (2005). Learning in Evolutionary Environments // *The Evolutionary Foundations of Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
81. *Dosi G., Nelson R.R.* (1994). An Introduction to Evolutionary Theories in Economics // *Journal of Evolutionary Economics*. Vol. 4. No. 3. P. 153–172.
82. *Dosi G., Orsenigo L.* (1988). Coordination and Transformation: An Overview of Structures, Behaviours and Change in Evolutionary Environments // *Technical Change and Economic Theory* / G. Dosi et al. (eds.). L.: Pinter; N. Y.: Columbia University Press.
83. *Drazen A.* (2000). *Political Economy in Macroeconomics*. Princeton University Press, Princeton.
84. *Fazekas E.* The 1% Law in Hungary: Private Donation from Public Funds to the Civil Sphere. *The Journal of East European Law*. Vol. 7. Nos. 3–4, Columbia University (2000), e.g. on p. 447.
85. *Febr E., Gächter S.* (2000)/. Cooperation and Punishment in Public Goods Experiments Source: *The American Economic Review*. Vol. 90. No. 4 (Sep., 2000). P. 980–994.

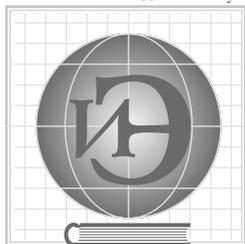
86. *Fischbacher U., Gächter S., Fehr E.* (2001). Are people conditionally cooperative? Evidence from a public goods experiment. *Economics Letters*. 71, 397–404.
87. *Friedman M.* (1953). The Methodology of Positive Economics. In: *Friedman M. Essays in Positive Economics*. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 3–43.
88. *Goeree J., Holt C., Laury S.* (2002). Private costs and public benefits: Unrevealing the effects of altruism and noisy behavior. *Journal of Public Economics*. 83. P. 255–276.
89. *Grinberg R., Rubinstein A.* (2010). *Economic Sociodynamics*. Berlin, New York.
90. *Grinberg R., Rubinstein A.* *Economic Sociodynamics*. Berlin, Heidelberg, New York: Springer-Verlag. 2005.
91. *Head J.G.* On Merit Goods, *Finanzarchiv* 25, 1966.
92. *Heckman, J.* (2001a). Micro-data, heterogeneity, and the evaluation of public policy: Nobel lecture. *Journal of Political Economy*. P. 109, 673–748.
93. *Heckman J.* (2001b). Accounting for heterogeneity, diversity, and general equilibrium in evaluating social programmes. *The Economic Journal*. Vol. 111, F654–F699.
94. www.economist.com/node/6768159.
95. socioline.ru/pages/lektsiya-h-uerta-de-soto-suschnost-avstrijskoj-shkoly
96. *Johnson D., Norem-Hebeisem A.* (1979). A measure of cooperative, competitive, and individualistic attitudes. *Journal of Social Psychology*. P. 109, 253–261.
97. *Kahneman D.* (2003). Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*. Vol. 93. No 5. P. 1449–1475.
98. *Kahneman D., Tversky A.* (Eds.). (2000). *Choices, values and frames*. New York: Cambridge University Press.
99. *Katona G.* *Psychological Analysis of Economic Behavior*. NY: McGraw-Hill. 1951.
100. *Kelley H., Stabeliski A.* (1970a). Social interaction basis of cooperators' and competitors' beliefs about others. *Journal of Personality and Social Psychology*. P. 16, 66–91.

101. *Kelley H., Stabeliski A.* (1970b). The inference of intention from moves in the Prisoner's Dilemma Game. *Journal of experimental social psychology*, P. 6, 401–419.
102. *Kincaid H.* *Methodological Individualism / Atomism // The Handbook of Economic Methodology*, UK, London: Edwar Elgar Publishing Limited, 1998.
103. *Koboldt C.* *Ökonomik der Versuchung; Drogenverbot und Sozialvertragstheorie*, Tübingen, 1995.
104. *Kreuger A.O.* *The Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Economic Review*, 1974. Vol. 64.
105. *Krueger A.* (1990). *Government Failures in Development // Journal of Economic Perspectives*. Vol. 4. P. 9–23.
106. *Kuti E., Vajda A.* *Citizen's Votes for Non-Profit Activities in Hungary*, Nonprofit Information and Training Center – Non-Profit Research Group (2000).
107. *Machlup F.* *Austrian Economics // Encyclopedia of Economics*. New York: McGraw-Hill, 1982.
108. *Margolis H.* *Selfishness, Altruism and Rationality: A Theory of Social Choice», Chicago and London*, 1982.
109. *Mayer T.* (1993). *Truth versus Precision in Economics*. Aldershot: Elgar.
110. *McLure C.E.* *Merit Wants: a Normatively Empty Box*, *Finanzarchiv* 27, 1968.
111. *Mukoyama T.* *Macroeconomic Models of Heterogeneous Agents*. University of Virginia / February 2008, Bank of Japan lectures.
112. *Müller Ch., Tietzel M.* (2002), «Merit goods from a constitutional perspective», in Brennan, G. et al. (eds), *Method and morals in constitutional economics. Essays in honor of James M. Buchanan*, Springer, Berlin & New York, 375–400.
113. *Musgrave R.A, Musgrave P.B, Kullmer L.* *Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis*, Band 1, 6. Auflage, Tübingen, 1994.
114. *Musgrave R.A, Musgrave P.B, Kullmer L.* *Die öffentlichen Finanzen in Theorie und Praxis*, Band 1, 6. Auflage, Tübingen, 1994.
115. *Musgrave R.A.* *A Multiple Theory of Budget Determination // Finanzarchiv*. 1957. Vol. 17.
116. *Musgrave R.A.* *The Theory of Public Finance*. N.Y.-London, 1959.

117. *Myrdal G.* Objectivity in Social Research. 1970.
118. *Offerman T., Sonnemans J. and Schram A.* (1996). Value orientations, expectations, and voluntary contributions in public goods. *Economic Journal*. P. 106, 817–845.
119. *Peltzman S.* Toward a More General Theory of Regulation // *Journal of Law and Economics*. 1976, 19.
120. *Persson T., Tabellini G.* (2000). Political Economics: Explaining Economic Policy.
121. *Priddat B.P.* Zur Ökonomie der Gemeinschaftbedürfnisse: Neuere Versuche einer ethischen Begründung der Theorie meritorischen Guten, *Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften* 112, 1992.
122. *Ríos-Rull J-V.* (1995): 'Models with heterogeneous agents'. Chapter 4 in T. Cooley (ed.) *Frontiers of Business Cycle Theory*, Princeton University Press.
123. *Samuelson P.A.* The pure theory of public expenditure. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 36, No. 4. 1954.
124. *Schelling T.* The intimate contest for self-command. In "Choice and Consequence: Perspectives of an errant economist". Harvard University Press, 1984.
125. *Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern // *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. 108. Jahrgang 1988.
126. *Schneider W., Shiffrin R.M.* (1977a). Controlled and Automatic Human Information Processing: I. Detection, Search, and Attention // *Psychological Review*. Vol. 84. No 1. P. 1–66.
127. *Schneider W., Shiffrin R.M.* (1977b). Controlled and Automatic Human Information Processing: II. Perceptual Learning, Automatic Attending and a General Theory // *Psychological Review*. Vol. 84. No 2. P. 127–190.
128. *Shefrin H.M., Thaler R.* (1978). An Economic Theory of Self. Center for Economic Analysis of Human Behavior and Social Institutions. Working Paper No. 208.
129. *Simon H.A.* A Behavioral Model of Rational Choice // *Quarterly Journal of Economics*. 1955. Vol. 69. No. 1. P. 99–118.
130. *Simon H.A.* (1957). A Behavioral Model of Rational Choice, in *Models of Man, Social and Rational: Mathematical Essays on Rational Human Behavior in a Social Setting*. New York: Wiley.

131. *Smith V.L.* (1991). «Rational Choice: The Contrast between Economics and Psychology», *Journal of Political Economy*, University of Chicago Press, vol. 99(4). P. 877–97, August.
132. *Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics*, 1971. Vol. 2(1).
133. *Sturm R.* «Public goods» before Samuelson: interwar Finanzwissenschaft and Musgrave's synthesis. 2010.
134. *Sugden R.* (2008), Why incoherent preferences do not justify paternalism, *Constitutional Political Economy*. P. 19, 226–248.
135. *Sunstein C., Thaler R.* (2003). Libertarian paternalism is not an oxymoron, *University of Chicago Law Review*. P. 70, 1159–1202.
136. *Sunstein C., Thaler R.* (2008). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press.
137. *Sunstein C., Thaler R.* (2009). *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. Yale University Press.
138. *Thaler R.H.* From Homo Economicus to Homo Sapiens. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 14, Number 1. Winter 2000. P.s 133–141.
139. *Thaler R.H., Shefrin H.M.* On Economic Theory of Self-Control // *Journal of Political Economy* 89, 1981.
140. *The Role of Elites in Economic Development* / ed. by Alice H. Amsden, Alisa DiCaprio and James A. Robinson. Oxford, UK: Oxford University Press), 2012.
141. *Tietzel M., Muller C.* Noch mehr zur Meritorik // *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. 118. Jahrgang 1998 Heft 1, Duncker & Humblot, Berlin.
142. *Tullock G., Seldon A., Brady G.* (2002). *Government Failure: A Primer in Public Choice*. Washington, DC: Cato Institute.
143. *Webley P., Burgoyne C.B., Lea S.E.G., Young B.M.* (2001). *The Economic Psychology of Everyday Life*. Hove: Psychology Press.
144. *Winston C.* (2006). *Government Failure versus Market Failure. Microeconomics Policy Research and Government Performance*. Washington, DC: AEI-Brookings Joint Center for Regulatory Studies.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

А.Я. Рубинштейн

Методологический анализ теории опекаемых благ

Оригинал-макет – Валериус В.Е.

Редактор – Полякова А.В.

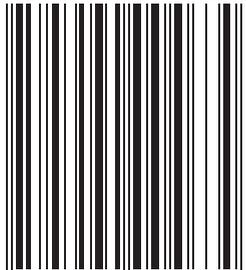
Компьютерная верстка – Гришина М.Ф.

Подписано в печать 11.03.2014 г.

Заказ № 14. Тираж 300. Объем 3,2 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0463-0

9 | 785994 | 004630 |